

Карина Демина

Изольда Великолепная

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Девушка согласилась на безумное предложение выйти замуж за незнакомца, подписала контракт и попала в чужой мир. Лорд-протектор, он же живое воплощение войны, понадеялся на благоразумие друга, а в результате получил совсем не ту невесту, на которую рассчитывал. Маг-недоучка, бессовестный рыцарь, сыграл очередную шутку, связав брачным контрактом двух случайных людей. И неважно, мстил он за прошлые обиды или же пытался помочь в обычной своей неуклюжей манере: каждому понятно, что вскоре недоразумение будет исправлено.

Дата свадьбы назначена?

Эти два месяца еще прожить надо!

Карина Демина

Изольда Великолепная

Глава 1

Выйти замуж – не напасть...

...Продажа женщин разрешена только перед алтарем...

П.17.2 «Уложения о правах и свободах человеческих, дарованных во имя процветания протектората лордом-протектором Сигизмундом Мюрреем»^{ЦЦ}

Куда идти, если идти некуда?

В кармане последняя сотка, и та одолженная. За плечом рюкзак со свитером, сменой белья, косметичкой и дипломом бухгалтера, который, как оказалось, на работодателей производит впечатление куда меньшее, чем я рассчитывала. Ну да, всего-навсего курсы. Полугодовые. Углубленные.

Ну да, опыта работы у меня нет.

Ну да, и сама я на бухгалтера не похожа.

Но это же еще не повод отворачиваться! Перезвонят мне, как же... звонить уже некуда – сотовый издох, а стационарный остался в квартире, с Машкой. А Машка осталась с женихом, и на этой заповедной территории места мне нет. Вещи пусть побудут недельку-другую, а вот я должна уйти.

Дружба дружбой, а женихи врозь.

Нет, на Машку я не злюсь.

Порой мне кажется, что все со мной происходящее закономерно и справедливо: мир взывает долги, и даже не знаю, наступит ли момент, когда я полностью с ним рассчитаюсь. Но как бы там ни было, изменить прошлое мне не под силу, а вот с будущим что-то надо делать. Знать бы еще, что именно.

Для начала поесть.

Сто рублей – это много, если правильно распоряжаться финансами. Кефир. Булочка. В кармашке рюкзака еще с осени карамелька завалилась, будет десертом. Пикник устрою в парке, благо погода радует. Солнышко светит, травка зеленеет, птички поют... благодать полнейшая. Еще недели две-три до настоящей жары, и народ спешит пользоваться моментом. Все скамейки заняты. Подростки с пивом, чипсами и ротвейлером, которому попеременно доставалось то чипсов, то пинков – их пес воспринимал с буддистским спокойствием. Мамаши при колясках. Стайка старушек. Влюбленные... и, кажется, место мое – на газоне. Почему бы и нет?

Выпью кефир, съем булочку и карамельку, а дальше что?

Ночевка на вокзале? И как долго? Подозреваю, что это – те самые временные обстоятельства, которые грозят стать постоянными. Хоть на панель иди, честное слово. Но думаю, что и туда не примут за отсутствием внешних данных.

Роста во мне полтора метра и три сантиметра, о которых я упоминаю исключительно из врожденной мелочности натуры. Телосложение субтильное. Лицо маловыразительное. По Машкиному выражению, я – подросток, застрявший в начале пубертатного периода. Платице надеть, бантик к макушке привязать, и вот она – мечта педофила.

Но я же не всерьез о таком думаю?

Перстень я заметила издали. И как не заметить, если он прямо посреди дорожки лежал, сверкал синим камнем. Так сверкал, что только слепой внимания не обратит.

Не обращали.

Прошла мимо женщина с толстой болонкой на поводке. Собака остановилась было у перстня, твякнула, внимание хозяйки привлекая, но была взята на руки.

– Скоро дома будем, Лисочка, потерпи, милая.

И девчонка в спортивных шортиках мимо пробежала... пацан ногой поддел, и перстень, жалобно звякнув, откатился к самому бордюру. Мне оставалось наклониться и поднять.

Бижутерия? Если так, то качественная и, следовательно, дорогая. А если настоящий? Серебро? Не похоже – серебро светлее. Но и не золото. Платина? А камень тогда? Сапфир? Стекло, Изольда, просто стекло. Сапфиры такого размера на земле не валяются. Я сомневаюсь, что они вообще бывают в природе. Камень прямоугольной формы и густого синего окраса. Чудо просто...

Перстень я примерила сугубо из женского любопытства. Колечко в любом случае придется продать – наличные мне нужны. Но ведь полюбоваться можно, представить, что оно – мое. Вот и на палец село как родное.

– Девушка, – раздался рядом вкрадчивый голос, – позволено ли будет взглянуть?

Руку спрятать в карман я не успела.

– Не стоит бояться. Я не причиню вам вреда.

Конечно. Все, кто хочет причинить вред, сообщают об этом открыто. Интересно, пора уже звать на помощь? И кого?

Парк, еще секунду назад довольно людной, вдруг опустел. И я осталась наедине с престранным типом, который увлеченно разглядывал мою руку. Нашел чем любоваться. Ладонь как ладонь... не очень чистая, кстати. И маникюр, сделанный Машкой на прошлой неделе – тогда еще жених пребывал в статусе парня, – пооблупился самым позорным образом.

– Удобно? – поинтересовался тип, трогая перстень. – Не жмет?

– Ваш?

Я верну, хотя, конечно, обидно. У меня на это колечко уже планы, а тут вдруг...

– Ваш. – Мой новый знакомый лучезарно улыбнулся. А ведь хорош, стервец этакий. Высок. Широкоплеч. И льняной пиджак средней степени измятости лишь подчеркивает статью. Лицо ангельское, только нимба над светлой макушкой не хватает. А вот глаза впечатление портят, светлые, но с таким бесовским огоньком. – Не соблаговолите ли вы назвать свое имя?

Огоньки меня заморозили, наверное, поэтому и ответила:

– Изольда.

Ну да, имя у меня глупое.

Видите ли, папенька мой – глянуть бы на него хоть одним глазком – был очень увлечен некой историей и наказал маменьке наречь дочь Изольдой. А маменька в жару любовном, который еще томился на дровах обещаний, наказ исполнила. Потом они разругались в хлам и папенька благополучно исчез с горизонта нашей жизни. А вот имечко осталось.

Хорошо хоть не мальчиком родилась. Тристаном жить было бы сложнее.

– Чудесное имя...

Столь искренне и с чувством мне еще не ввали.

– Урфин. – Блондин тоже представился, при этом поклонившись.

– Джус? – вырвалось у меня помимо воли.

– Нет. Сайлус, седьмой тан Атли.

Тан, значит. Просто очаровательно, что бы это ни значило.

– Изольда, не будете ли вы столь любезны уделить мне несколько минут вашего драгоценного времени?

Если потянет в кусты, заору... но вместо этого я кивнула. Надеюсь, вежливо. Чего-чего, а времени у меня с избытком.

– Тогда прошу вас присесть.

На лавочку. Очаровательную свободную лавочку, которая останется в полном моем распоряжении после исчезновения Урфина, – приятно осознавать, что не у одной меня родители фантазию проявляли. В том, что весьма скоро тану надоеет мое общество, я не сомневалась.

– Скажите, вы не хотели бы...

...продать душу и остатки чести за улыбку? Она у него потрясающая, конечно. И вообще с его обаянием только финансовые пирамиды устраивать, но вот гложут меня смутные подозрения...

– ...выйти замуж за одного достойного господина...

Уж не за него ли?

А если... нет, Изольда, такого не бывает! Даже в сказках не бывает! А ты в жизни реальной, и такие красавцы здесь не водятся и уж тем паче не предлагают руку и сердце первой встречной.

Любовь с первого взгляда? Тогда пусть приглядится получше.

– Состоятельного? – зачем-то уточнила я внезапно севшим голосом.

– Очень, – уверил он, присаживаясь рядом. – Благородного и по крови, и по характеру. Умного. Сильного...

Прекрасного, как кусок сыра в новой мышеловке.

Что ему от меня надо?

– Вы больше никогда не будете испытывать нужду в чем-либо...

И взгляд такой красноречивый, заставляющий осознать, что джинсы мои стары и рубашка немногим моложе. Кроссовки и вовсе скоро умрут, а на новые денег взять неоткуда. И вообще, если разобраться, что я теряю?

– Вы станете хозяйкой замка...

Этот шепот парализовал волю. И воображение – предатель! – рисовало нечто кремообразное, белоснежное и с кучей башенок.

Нельзя соглашаться!

Почему?

Потому что так не бывает!

Это еще не аргумент, Изольда. Или аргумент? А вдруг он... что? Выдаст меня замуж насильно? У нас не Средние века, я всегда смогу отказаться в последний момент. Или развестись. Или вообще...

Нет, я же не серьезно...

– Получите содержание. Скажем... в эквиваленте вашего веса золотом.

Вешу я сорок три кило. В золотом эквиваленте выходит солидно. Я не знаю, сколько сейчас стоит грамм золота, но... нет, я же не обдумываю его предложение!

– ...и, конечно, драгоценности. Вам нравится кольцо? У вас их будут сотни... алмазы,

изумруды, рубины...

...оставайся, мальчик, с нами, будешь нашим королем...

– Что вы сказали?

– Ничего.

Это ловушка!

Ну конечно, ему очень надо поймать глупенькую Изольду, чтобы... на органы продать? Или в рабство? Да кому я здесь нужна?! Никому, Машка, и та меня предала.

– Поверьте, – Урфин наклонился еще ближе и прошептал на ухо: – подобный шанс выпадает раз в жизни. Не упустите его...

Да чтоб тебя!

Я собиралась встать и уйти, но вместо этого ответила:

– Хорошо.

– То есть вы согласны?

– Да.

Честно говоря, в глубине души я ожидала, что небеса разверзнутся и строгий голос возвестит, что я, Изольда, совершеннолетняя гражданка России, заключила сделку с дьяволом и быть мне отныне проклятой, неприкаянной и далее по списку. Увы, на мою беду небеса выглядели цельными, а голоса молчали, за исключением голоса разума. Но он был тих и неубедителен.

– И что теперь? – спросила я, разглядывая перстень.

Все-таки не бижутерия. И если так, то думать о его стоимости просто страшно.

– Теперь следует оформить наш договор. – Урфин подал мне руку и уже не выпускал, точно опасался, что я передумаю и сбегу. Признаться, было такое искушение, потому что чем дальше, тем более странным казалось мне происходящее.

Вот не надо было колечко трогать!

На стоянке Урфина ждал черный «бентли». Распахнув дверь, седьмой тан – что случилось с предыдущими шестью, я уточнять не посмела, – сказал:

– Вам не стоит опасаться. Вашему здоровью и чести ничто не угрожает. Слово лорда-советника.

Ну да, я взяла и на слово поверила.

Хотя да, поверила. А что оставалось? Вернуть колечко и отправиться домой? Ах да, отправляться некуда. Ни дома, ни ванной, закрывшись в которой можно поревесть от души, ни перспектив, кроме все той же панели. Лучше уж замуж... За сильного, умного и состоятельного. И не думать, чем это замужество для меня обернется.

Ехали мы недолго, но, когда авто остановилось и Урфин помог мне выбраться, – он вообще подозрительно услужливый тип, – я поняла, что понятия не имею, где нахожусь. Город был знаком и не знаком. Серые пятиэтажки брежневской постройки. Запыленные липы. И совершенно пустая улица, на которой помимо «бентли» припаркован лишь старенький «запорожец». Судя по кирпичам, подпиравшим брюхо, а также обильной ржавчине, парковка состоялась давно и навеки.

– Прошу за мной. – Урфин перестал улыбаться. – Если, конечно, вы не передумали.

Не дождутся!

Я, может, и дура, но последовательная.

Миновав арку, мы оказались в маленьком, но уютном дворике. Здесь всюду цвел жасмин. Кусты сирени заслоняли окна первых этажей, а на газонах то тут, то там виднелись

желтые солнца одуванчиков. Скрипели качели на несуществующем ветру, и зеленый кленовый лист ластился к асфальту.

А вот людей не было.

Ни мамаш с колясками. Ни крикливой детворы. Ни даже зловредного и вездесущего племени городских старух.

И жасмин ничем не пах. Я специально остановилась, чтобы понюхать веточку.

Ничего! И цветы как пластиковые.

Все «страньше и страньше».

Запахи отсутствовали и в подъезде. Я потрогала стену, чтобы убедиться, что та материальна. Краска шершавая, а побелка за пальцы взялась. И старые перила вогнали в ладонь занозу, убеждая, что если это и сон, то высшей степени правдоподобности.

Урфин остановился перед невыразительной дверью, обитой синим дерматином. Золотистые шляпки гвоздей складывались в хитрый вензель, но рассмотреть его мне не позволили. Дверь открылась, и нас пустили в квартиру.

Тесная прихожая была завалена книгами. И тесный коридорчик был завален книгами. И комната... и вообще, складывалось впечатление, что сами стены этой квартиры сделаны не из бетона, а из пухлых томов, перетянутых для верности веревками. Хозяин книжной норы – невысокий, сутуловатый и весь какой-то скукоженный – кутался в красный халат с золотой отделкой. Из кармана халата торчали очки. Вторая пара сидела на длинном носу, пребывавшем в постоянном движении. Третья – на лысой голове.

– Надеюсь, все готово, досточтимый мэтр Логмэр, – сказал Урфин таким тоном, что мне стало жаль бедного мэтра.

– К-конечно, г-готово, – ответил тот, слегка заикаясь. – Н-но, п-позвольте вам заметить, что ваши н-неосмотрительные д-действия создают прецедент. Я в-вынужден б-буду д-доложить.

– Докладывайте.

– Совсем распоясались. – Мэтр Логмэр водрузил одни очки поверх других.

Разглядывал меня он минуту, а то и две, прежде чем поинтересоваться:

– Вы пребываете в здравом уме?

– Пребываю.

– Не находитесь под действием алкоголя, наркотических или магических зелий?

– Не нахожусь.

Мэтр на слово не поверил, вытащил из кармана белую раковину внушительных размеров и, сунув мне под нос, велел:

– Дыхните.

Я подчинилась – чужие странности следует уважать. Мэтр поднес раковину к лампочке и после внимательнейшего изучения – даже ногтем скреб – отправил в карман. Вид у него стал совсем уж печальный.

– В-в... в таком случае б-будьте столь любезны ознакомиться с договором и п-поставить п-подпись в означенном месте.

Договор занимал двадцать страниц, писанных, между прочим, от руки. И это были самые нудные страницы, которые мне когда-либо доводилось читать:

«...Настоящий договор (далее – Договор) заключен в 13-й день 7-го месяца сего года по стандартному от Раскола летоисчислению (даты указаны в приложении, далее Приложении, согласно Справочному Уставу) между протекторатом Инверклайд в лице лорда-советника

Урфина Сайлуса, седьмого тана Атли (далее Доверенное Лицо), действующего от лица и по поручению мормэра Кайя Дохерти, исполняющего обязанности лорда-протектора (далее Доверяющее Лицо) и...»

На этом месте я вынуждена была прервать сие увлекательнейшее чтение, чтобы мэтр Логмэр внес в договор мои данные. Писал он медленно, сверяя каждую букву с паспортом.

– Читайте внимательно, – посоветовал мэтр, возвращая договор. – Люди на редкость невнимательны. И п-потом страдают. П-претензии п-предъявляют.

«...Доверяющее лицо предоставляет Исполнителю в невозвратное владение следующее движимое и недвижимое имущество...»

Список был внушительным, и первым номером в нем значился «замок каменный, стандартного проекта (прилагается в Приложении за номером...) о пяти башнях с тремя бронзовыми флюгерами и рвом в семь стандартных единиц глубиной».

А после слов «назначить денежное содержание» я и вовсе быстро пролистала оставшиеся страницы, желая лишь одного – поставить свою подпись в «означенном месте», тем более что пункт «Обязанности» был до отвращения краток. Мне вменялось хранить честь рода и быть достойной женой.

Побуду. Вряд ли это сложно.

Подписывать пришлось три экземпляра, каждый из которых тут же заверялся печатью. Первый был вручен мне, второй – Урфину, а третий исчез среди книг.

– П-приступим к ф-формальностям, – сказал мэтр, надевая третью пару очков. – П-перчатка у вас?

– Конечно, мэтр. Леди, прошу вас. – Урфин извлек из воздуха перчатку.

– П-попрошу без в-ваших ф-фокусов.

– Извините, мэтр, но сами понимаете...

Из воздуха. Перчатку.

Перчаткищу!

Мешок из черной кожи, украшенной заклепками. Я не знаю, какой должна быть рука, для которой шили это, но Урфину перчатка достала до локтя.

– Вашу руку, леди.

Не то чтобы неприятно, скорее странное ощущение. Кожа теплая и мягкая, а швы на ней проступают этакими шрамами. Урфин сжимает мои пальцы, и в этой хватке нет ни следа вежливости.

– П-повторяйте, – приказывает мэтр. – Я, Кайя Дохерти, беру тебя, Изольда, в жены...

– ...в жены...

– ...и буду верен тебе до самой смерти...

– ...смерти...

– ...я, Изольда, беру тебя...

Я повторяла за ним слова, на первом же слове голос разума сдавленно всхлипнул и заткнулся.

– ...в мужья... и буду верна тебе до самой смерти.

– Супружество, вами заключенное, я авторитетом Коллегии Хранителей права и собственным именем подтверждаю... Можете поцеловать невесту.

Урфин и поцеловал. По-братски. В щеку. А потом положил руки на шею и сдавил. Пальцы у него оказались железными.

Я рванулась.

Закричала, скорее даже захрипела.

И отключилась.

– В-вы сов-вершено п-потеряли с-совесть, Урфин. Хотя не д-думаю, что она у в-вас б-была. – Мэтр Логмэр отчаянно полировал стекла очков полой дрянного халата. – Я п-полагаю, что все это – в-ваша з-задумка. Н-не могу п-понять, как в-вы уговорили л-лорда-п-протектора.

– С трудом, мэтр. Но я воззвал к чувству долга.

– В д-детали, как п-полагаю, не п-посвящали?

– Совершенно верно.

Девушка лежала на полу. Сон ее обещал быть достаточно долгим и крепким, чтобы гарантировать спокойный переход.

– Он н-не об-брадуется.

– Это верно. Но как-нибудь переживем... – Урфин забросил новоиспеченную леди на плечо, решив, что пара лишних синяков не испортят и без того непростую ситуацию. – Стерпится – слюбится. Кажется, так здесь говорят.

Глава 2

Людам о леди

*Одна леди пятьдесят раз упала в грязь по дороге домой.
– Леди! – ахнул дворецкий, открывая дверь.
– С головы до ног, – мрачно кивнула леди.*

*«Басни о пчелах, или Занимательные истории о леди
Дохерти», миннезингер Альбрехт фон Йохансдорф*

Я сидела на подоконнике и ела вишни. Вишни были спелыми и сладкими, подоконник – широким, а земля – далекой. Вишневые косточки я бросала за окно из врожденной вредности.

Вообще-то пейзаж открывался душевный.

Небо синее. Море синее. Солнце желтое. Облачка белым кружевом. Волна к берегу катит, кораблики плывут... Идиллия просто. Вот только созерцаю ее третью неделю кряду, и от тоски тянет уже самой сигануть из окошка. Потом, глядишь, балладу сложат о неразделенной любви и прекрасной деве, чей призрак обречен навеки ждать возлюбленного. Пожалуй, именно это и останавливало мои суицидальные порывы. Ну, еще решетки на окнах и отсутствие возлюбленного, который, к несказанному счастью моему, застрял в неведомых краях.

Черт бы с ним, с возлюбленным, но вот решетки напрягали крепко.

Были они солидными, коваными, захочешь – не выломаешь. Я знаю, пробовала. Кажется, день на пятый своего здесь пребывания. И на шестой тоже. И на седьмой. Мне даже ложку принесли серебряную, чтобы камень ковырять легче стало. А вдруг да пораню свои нежные пальчики.

Под этим же предлогом ножа и вилки не дали.

Ложкой же ковырять решетки было не интересно.

Ну не свинство, а?

Мой единственный собеседник – рыжий котяра наглого характера и необъятных габаритов – сочувственно шевельнул ухом. Даже если он и не понимал меня, то хотя бы делал вид, что понимает. Остальные же...

Стоит начать сначала.

Очнулась я от запаха. Неопиcуемый смрад проник в ноздри, вырвав меня из такого уютного забвения. Я закашлялась и взмахнула руками, пытаясь отодвинуть источник вони подальше.

– Ваша светлость, соизвольте открыть глаза. – Голос был мягким, как мои старые войлочные тапочки, и я сразу прониклась к обладателю его симпатией, хотя не сразу сообразила, что обращаются ко мне. «Ваша светлость»... очаровательно просто. Глаза я открыть соизволила, потому как с закрытыми было бы сложно понять, что происходит.

Во-первых, я лежала.

Во-вторых, кровать, на которой я лежала, была столь огромна, что я сразу ощутила собственные одиночество и никчемность.

В-третьих, четыре столпа – иначе и не назовешь – поддерживали синий балдахин,

расшитый звездами. Честно говоря, сперва я приняла его за небо, лишь удивилась, что небо столь низко висит, и протянула руку, чтобы пощупать вышитую звезду.

Руку мою тотчас схватили и сжали крепкие теплые пальцы. Принадлежали они незнакомому мне типу, высокому, тощему, облаченному в черный балахон. На лысеющей голове его виднелась квадратная шапочка с золотой кистью. Кисть съехала на лоб, разделив его пополам.

Сосчитав пульс – а сердце колотилось, что ненормальное, – тип сдвинул мне виски, повернув голову сначала влево, потом вправо, оттянул веки и внимательно осмотрел глаза, а потом и в рот попытался заглянуть. На этом месте терпение мое иссякло.

– Руки уберите, – почти вежливо попросила я.

В горле изрядно першило. Да и само горло побаливало.

С чего бы это вдруг? Ах да, меня же придушить пытались!

– Чрезвычайная хрупкость конституции вашей светлости требует особо бережного обращения!

Не знаю, кому это было сказано, но я согласилась. Да, моя светлость требует бережного с собой обращения, и нефиг ее за горло хватать. То есть меня.

– Где эта скотина? – осведомилась я и окончательно пришла в сознание. – И кто вы такой? И вообще, куда я попала?

Сев на кровати, я огляделась. Симпатичное помещенье для кровати размеров. И все такое нарядное. Очаровательное просто сочетание брутальной каменной кладки, шелковых портьер, позолоченных канделябров – потом я выяснила-таки, что золотых, – мрамора и дерева. Особенно впечатлил камин. Этакая пасть, облицованная камнем, а в ней огонь пылает.

Не знаю, как там по фэн-шуй положено, но камин в спальне – это круто. Сейчас я понимаю, что и практично, когда в доме нет центрального отопления.

– Не испытывает ли ваша светлость головокружение? Не ощущает ли горечь на языке? Сердечное стеснение? – продолжал допытываться тип, пристально вглядываясь в мое лицо. Подозреваю, что вид у меня был весьма специфический.

– Где я нахожусь? – Я повторила вопрос, понимая, что если не получу ответа, то завизжу от злости.

– Протекторат Инверклайд, – почтительно ответил тип. – Майорат Дохерти. – И, спохватившись, поспешил представиться: – Доктор медицинских наук Ллойд Макдаффин. Всегда к услугам вашей светлости.

Понятно. Точнее, ничего не понятно. Протекторат? Майорат? Доктор? Нет, ну с доктором ясно. Врачей недолюбиваю, но этот симпатичный. Заботливый. Вежливый. И выражение лица незамутненно-счастливое, как будто знакомство со мной – величайшее достижение его жизни.

– Я имел честь учиться в Булонии. И пользовал многих знатных особ, – сообщил он мне. – Но вы, ваша светлость, несомненно...

– Помолчите. Пожалуйста.

Я попыталась встать, к вящему неодобрению доктора. Но перечить мне не посмели. И правильно, я не в том расположении духа, чтобы мне перечить. А на шее, и думать нечего, синяки будут.

– Тан Атли умоляет вас принять его нижайшие извинения. Он глубоко сожалеет о том досадном происшествии, которое...

Что-то я сомневаюсь насчет сожаления. И происшествие было отнюдь не случайным. Но с происшествием, таном и прочими жизненными неурядицами я разберусь позже. В данный момент у меня имелась цель – окно. Огромное окно с чудесными витражами. На темном стекле среди кувшинок и звезд плясали белые цапли. Правда, привлек меня не витраж.

Я дошла до окна сама, хотя на помощь бросились и доктор, и женщина с серым невыразительным лицом. Она все время была в комнате, но держалась в тени.

– Окно откройте. – Я уперлась в ставни и попыталась открыть сама. Ставни не поддавались.

– Ваша светлость! Там ночь! Прохладно! Ваше хрупкое здоровье...

Моему хрупкому здоровью не слишком вредили осенние походы с ночевкой. Так что и в окошко выглянуть ему лишь на пользу будет.

Створки все-таки поддались, просто они открывались не наружу, а внутрь. И не стекло было черным: за окном жила ночь. Густая, южная – мне однажды повезло побывать в Крыму, – она рядилась в яркие звезды. А крупная, словно нарисованная, луна была желта и приятно округла.

В лицо дохнуло свежестью.

И ветер был соленым на вкус. Такой ветер бывает лишь с моря...

А потом на мою ладонь села крупная нарядная бабочка. Крылья ее, каждое размером с тетрадный лист, имели удивительный зеленоватый оттенок, словно были вырезаны из куска нефрита. Прожилки на крыльях лишь усугубляли сходство.

Уже не сходство.

Я коснулась не живого существа – прохладного камня. Сквозь радужный срез его просвечивало пламя.

– Это каменный виан, – подсказал доктор. – Они живут лишь несколько часов в году. Вам повезло увидеть чудо, ваша светлость. Это хороший знак.

Пусть так, но... на Земле не водятся каменные вианы. Поденки, и те, отжив короткий свой век, просто умирают, а не превращаются в камень. Мне ли не знать? Я отдала бабочку доктору и, послушная, вернулась в кровать. Я надеялась, что вижу сон и утром проснусь. Дома...

Дома больше не было. Точнее, он был, но где-то далеко, за пределами этого мира.

Я кричала. Плакала. Требовала отпустить меня.

Доктор Макдаффин предлагал эликсиры, способствующие излитою желчи, что, по его мнению, должно было избавить меня от черной меланхолии.

Я послала доктора Макдаффина к каменным вианам и принялась за посуду. О, с каким самозабвенным удовольствием я швыряла в стену тарелки, тарелочки, блюдца, чашки, вазы и вазочки... и никто в чертовом замке не посмел меня остановить. Нет! Мне с завидной покорностью приносили новые и новые сервизы.

Изощренное издевательство!

И я устала.

От усталости ли, от нервного ли расстройства или же от того легкого ветерка разболелась голова. За мигренью последовал кашель, поднялся жар, уложивший меня в постель. А когда я все-таки поднялась – с детства не люблю болеть, – то в тот же день вывихнула ногу. И ведь споткнулась на ровном месте! Пока бинтовали ногу, я загнала в ладонь занозу. Ее вытащили, но к вечеру ранка загноилась. Еще куриный бульон оказался

прокисшим, изрядно испортив ночь, а утром кровь из носу пошла...

– Жидкости в организме вашей светлости пришли в небывалое смятение. – Доктор Макдаффин разговаривал со мной ласково, как с душевнобольной. И я понимала, что, еще немного, и вправду свихнусь. – Причиной какого является преодоление разрыва между листами...

Он в общем-то был неплохим человеком, только слегка странным. Но к моей иномирности относился с поразительным спокойствием, как будто не видел в том ничего удивительного. А может, и вправду не видел.

– ...а это – серьезнейшее испытание даже для тана Атли, чьи выдающиеся способности...

Сволочь он, этот тан Атли, который благоразумно избегает встреч со мной. Болен он, как же. Помнится, в единственную нашу встречу он был до омерзения здоров. А тут вдруг слег, бедолажка. Впору цветы послать. Или открытку с пожеланием скорейшего выздоровления.

– ...не говоря уже о столь нежных созданиях, каковыми являются женщины. Ах, если бы я имел счастливую возможность составить гороскоп вашей светлости, я сумел бы отыскать то средство, которое успокоило бы...

Меня успокоил бы хороший пинок, который я с превеликим удовольствием отвесила бы драгоценному тану. Но пришлось довольствоваться пузырем со льдом и мятной эссенцией, которую заботливо втирали мне в виски. Она ли помогла, или жидкости моего тела успокоились-таки к вящему облегчению доктора, но спустя неделю я вновь была бодр и энергична.

Тогда-то и прояснились некоторые обстоятельства.

Во-первых, муж нашей светлости – их светлость лорд-протектор Кайя Дохерти, отсутствует, и как долго это отсутствие продлится, никто не знает.

Во-вторых, во время одного отсутствия замком, равно как и протекторатом, управляет доверенное лицо, сиречь их сиятельство лорд-советник Урфин.

В-третьих, мне запрещено покидать пределы комнаты и общаться с кем-либо помимо милейшего доктора, моей камеристки Гленны и рыжего кота. Кот вряд ли входил в список разрешенных контактов, но плевать хотел на запреты их сиятельства и просто однажды выполз из-под кровати с толстой крысой в зубах.

В-четвертых, мне категорически рекомендован постельный режим и отсутствие всяческих волнений, каковые оказывают губительное воздействие на слабый женский разум.

В-пятых, и последних, отменить запреты может лишь их сиятельство, который в настоящий момент времени не готов предстать пред очами нашей светлости и объясниться...

Вот и оставалось – сидеть на подоконнике, глазеть на море и есть вишню, лениво обдумывая план побега.

– Ну не сволочь ли он, а? – Я почесала кота за ухом. – Как есть сволочь...

Кот открыл оба глаза и зашипел. Не на меня – на дверь. А она возьми и откройся.

– Ваша светлость! – Гленна присела в обычном своем поклоне, от которого я пыталась отучить ее последнюю неделю. Надо же было хоть чем-то заняться. – Их сиятельство лорд-советник спрашивают, не соблаговолите ли вы принять его.

– Мы солбако... собако... короче, зови.

Все-таки чувствую, леди из меня выйдет фиговая.

Посреднику случалось улаживать самые разные дела, многие из которых входили в некоторое противоречие с законом, что тем самым повышало стоимость услуг. Жизненный опыт и чутье позволяли ему избегать неприятностей, а также определять не только платежеспособность, но и серьезность намерений клиента.

Нынешний был серьезен, хотя и несколько необычен для данного закрытого мирка.

– Какого рода специалист вам необходим? – Посредник разговаривал мягко и веки полуприкрыл, что создавало у клиентов ощущение некоторой его отрешенности. И лени.

А лень ассоциировалась со слабостью.

И клиенты сами себя уверяли, что посредник безопасен. При любом исходе переговоров.

Были правы.

Отказ от сотрудничества еще не повод для убийства. В распоряжении посредника имелось множество иных, куда менее травматичных способов сгладить шероховатости, возникавшие время от времени.

– Мне нужен специалист, который... – Клиент не спешил. Он явно обдумал все не единожды, но сейчас вновь взвешивал каждый довод, подводя себя к краю. – Который умеет обращаться с оружием.

– Каким?

Вряд ли клиент стал бы искать в ином мире то, чего хватало в его собственном. А умение понимать желания клиента, даже не высказанные вслух, в значительной мере повышало шансы посредника на удачную сделку.

– Огнестрельным.

Ответ был ожидаем. И клиент, с ходу не получив отказа, продолжил:

– Оружие он принесет с собой.

Это очевидно. В полумертвом мире приличной винтовки не найти.

– Сколько целей?

– Одна.

– Расстояние до цели?

Пауза в разговоре. И ответ:

– Чем больше, тем лучше.

Снайпер, значит. У посредника имелся знакомый снайпер, который любил работать в удаленных мирах, закрытых для Хаота. Осталось выяснить последний фактор.

– Срок исполнения заказа?

И клиент, расцепив замок из пальцев, сказал:

– Мне необходимо, чтобы специалист прибыл сейчас. И пробыл здесь некоторое время. Возможно, длительное... до полугода.

– Так не принято. Мир имеет обыкновение... привязывать чужаков.

– То есть вы отказываетесь?

Посредник редко отказывался от сделки, пусть бы и столь странной. Зачем держать снайпера полгода? Рисковать разоблачением? Чужак всегда выделяется.

Впрочем... тот специалист, о котором посредник думал, любил игры. И нуждался в смене мира.

– Нет, не отказываюсь. Но цена...

– Цена не имеет значения.

Красивые слова, в которых правды было не больше, чем в нынешней биографии посредника. К слову, биография обошлась недешево, не говоря уже о лицензии на торговлю с

закрытым миром. Впрочем, торговля оказалась куда более прибыльным занятием, чем посредник предполагал, что не отменило возможности альтернативного заработка.

– Я дам ответ при следующей нашей встрече. – Посредник почти не сомневался, что ответ будет положительным.

Юго никогда не отказывался от работы.

Глава 3

Лорд, который гуляет сам по себе

В кустах рояль, а в нем – отряд гвардейцев!

Неожиданный сюжетный поворот истории, рассказанной старым солдатом за кружечкой темного эля в таверне «Рогатая кобыла»

Выглядели их сиятельство презанятнейшим образом.

Нет, костюмчик выше всяких похвал. Воротник кружевной топорщится. Камзол блистает алмазными россыпями. Панталоны с бантами и вовсе слезу умиления вызвали. А мода здесь лютует...

– Доброго дня, ваша светлость, – сказал Урфин, одарив меня поклоном.

Я подобрала полы халата и вежливо кивнула в ответ:

– И вам доброго дня.

Какой-то он бледный очень. Щеки ввалились, веки набрякли, а глаза и вовсе красные, как у кролика с перепоею. И эта испарина на лбу подозрение вызывает. Надо бы попросить милейшего доктора, пусть одарит Урфина вниманием, отрегулирует приток жидкостей телесных к мозгу, если оный у их сиятельства имеется.

В моей душе шевельнулось сочувствие, но было отловлено и удушено недогнувшей рукой.

– Прошу простить мой неподобающий вид. – Он сел в кресло, между прочим, мною облюбованное, и вцепился в подлокотники. – Но мне кажется, что наша с вами беседа стоит некоторых неудобств.

Я охотно согласилась, а заодно осталась сидеть на подоконнике – и тепло, и довольно удобно, и на расстоянии от Урфина. Уж больно тянет ему пакость сотворить.

– Спрашивайте, – разрешил он.

Добрый какой. И на вопросы мои он ответит честно, аки свидетель на процессе. Осталось Библию торжественно внести. Или Конституцию.

– Я в другом мире? – задала я первый вопрос. – И приволок меня ты?

– Да. И снова да.

– Как?

– Тебе с точки зрения магии или физики объяснить?

– Как тебе удобней.

– Никак. – Их сиятельство ослабились самым вызывающим образом. – Я открываю двери. Но не имею ни малейшего представления о том, как они устроены.

Ладно. Допустим, я поверила. В конечном итоге я, включая телевизор, не слишком задумываюсь о микросхемах, кристаллах и о том, откуда берется электричество.

Я в другом мире. Факт.

Я жива. Здорова. И способна понимать речь устную и письменную. Примем как данность.

Но есть момент, который волнует меня куда больше всех остальных, вместе взятых.

– Когда я вернусь домой?

Имелись некие подозрения, которые Урфин охотно подтвердил.

– Никогда.

Неделю назад я швырнула бы в него миской, не пожалев остатков вишни. И сейчас искушение было столь велико, что я спрятала руки за спину. Минуту мы с Урфином играли в гляделки, и победил он. Ну не могла я спокойно смотреть в эти красные беспомощные глаза!

– Есть несколько препятствий. – Он заговорил сам, приняв поднесенный Гленной кубок. И могу поклясться, что подавала она его с опаской, стараясь не коснуться его сиятельства ненароком.

Может, он заразный?

Но тогда не притащился бы. К нашей-то светлости с ее хрупким здоровьем, при упоминании о котором у меня уже икота начинается.

– Первое – вы заключили договор. И обязаны его исполнить.

Но в договоре – я читала его раз десять, все равно больше читать было нечего – ни слова о столь радикальной смене прописки!

– Уж поверьте, – Урфин слабо улыбнулся, и вид у него сделался вовсе жалким, – книгочеи в жизни не допустят расторжения договора. Профессиональная честь... но, даже если получится, остается второе препятствие. Переход между мирами отнимает силы. Перенос между мирами обессиливает совершенно. Видите, в каком я состоянии? У меня физически не хватит сил открыть дверь.

Это он намекает, что я виновата? Между прочим, я не просила меня переносить! Я прошу поставить меня обратно! Требую даже!

– Гленна, выйдите, – приказал Урфин, проведя по шее. Готова спорить, что воротник этот, больше похожий на кружевной ошейник, неудобен до жути.

Она подчинилась, пусть и неохотно. Моя камеристка, женщина неразговорчивая, но в общем-то добрая, глядела на Урфина так... не знаю даже, как сказать. Пожалуй, так смотрят на не слишком порядочного гостя, выставить которого не имеют возможности, но после ухода его непременно пересчитают серебряные ложечки.

– Они знают, что вы не отсюда, но не знают, откуда именно. Им это не интересно. Им здесь вообще мало что интересно, но оно к лучшему. Вам не стоит распространяться о Земле. Ваш мир слишком отличается от нашего.

Ну да, я заметила.

Электричества нет. Телевидения нет. И радио тоже нет. Хорошо, что хоть горячая вода есть. И туалет имеется, между прочим, из цельного фарфора, расписанного под гжель.

– И я говорю не о внешних отличиях, а о внутренних. Вы потом сами поймете. Вы ведь не дура, Иза.

Сахарок комплимента, чтобы я не буйствовала? Так я вроде и не буйствую. Руки по-прежнему за спиной держу. Смирена аки монахиня под суровым взглядом престарелого епископа.

– Отпустите меня домой. – Я говорила так жалобно, как могла. – К маме.

А вместо того чтобы посочувствовать, Урфин рассмеялся. Смех у него неприятный, всхлипывающий. И вообще, чего тут веселого? Может, по мне и вправду мама тоскует.

– Извините, Иза. Но если бы ваша мама была жива, вряд ли бы вы здесь сидели. И не обязательно мать, но хотя бы кто-то, кому вы не безразличны. Видите ли, мир живой. Любой мир. Представьте, что люди, животные, растения, что любая вещь – это часть мира. Сердце, печень, легкие...

...двадцать метров кишечника, костный мозг и полкило хряща. Но аналогия в целом понятна.

– ...Вытащите из человека сердце, и он умрет. Отрежьте палец, и он будет жить, но останется калекой.

Урфин прервался, чтобы отдышаться. Похоже, ему и вправду досталось.

Мог бы и меня к себе пригласить. Или здесь так не принято?

Но жалеть его не стану! Вот не стану, и все!

– Только вряд ли вы добровольно отдадите даже ноготь.

Здесь он прав. Не отдам. Ногти самой нужны... маникюр бы еще сделать... и к парикмахеру заглянуть... подозреваю, что я похожа на чучело.

– А ноготь не расстанется с вами добровольно. Вы держитесь за мир. Мир держится за вас. Родители. Дети. Мужья и жены. Друзья. Приятели. Тысячи и тысячи тончайших нитей, созданных вами же, вас удерживают. И мне пришлось рубить эти нити. Но именно нити.

– То есть я – ноготь?

– Скорее, волос. Или чешуйка отмершей кожи.

Очень приятно осознавать себя перхотью на голове мира.

– Мне повезло с тобой, – без всякой насмешки сказал Урфин. – Я не смог бы вытащить человека, которого мир держал.

А я, выходит, не нужна была.

Обидно. До слез обидно, но перед их сиятельством, которые пусть и не солгали, но не сказали и правды, я плакать не стану. Хуже всего, что он прав, чего уж тут.

Мама умерла, давно, но сердце еще болит. Бабушка ушла и того раньше. Отец? Не представляю даже, как он выглядит. Друзья? Кроме Машки, не было, а с Машкой вот ерунда вышла. Да и получается, что ей на меня плевать.

– И... и как ты понял?

– Кольцо.

Кольцо осталось при мне. И камень, синий, как море за окном, напоминал мне, из-за чего я попала в эту передрыгу.

– Ты его увидела. И надела. Ты настолько выпала из своего мира, что сумела прикоснуться к частице другого.

А небеса не разверзлись. Жалость какая.

– И эта частица тебя не оттолкнула. Значит, был шанс...

Он как-то не вовремя замолчал. Но я не стала подталкивать вопросами. Вообще, кажется, начинаю осознавать правдивость поговорки: меньше знаешь – крепче спишь.

– В твоём мире умеют пересаживать части человека друг другу. Но, насколько я знаю, тело может не принять орган, который в него вживили. Мир тоже норовит избавиться от чужого.

От меня? И каким же образом?

Обыкновенным. Простуда. Отравление. Нога подвернутая. И то чертово кровотечение, которое никак не удавалось остановить.

– Видишь, ты сама все поняла. И да, ты могла умереть. – Урфин поднял руки, упреждая возмущенный вопль. – Я планировал поставить защиту, но не смог. Хотя и так все получилось.

Получилось? Да я на горшке полночи провела! А мигрень?! А тошнота постоянная?! Жар, от которого все кости ныли?!

От меня, видите ли, мир избавиться желал.

Что я ему плохого сделала?

– Могло быть хуже. – Урфин рванул воротник и, когда избавиться не вышло, просто сжал голову, словно пытался раздавить ее. – Пожар. Ураган. Землетрясение. Дракон, на худой конец...

– А тут и драконы водятся?

– Нет, но ради тебя завелись бы...

Какая очаровательная любезность со стороны мироздания. Не каждая леди собственного дракона удостоится.

– Но ты жива и вполне здорова...

Не его за это благодарить.

– ...следовательно, мир тебя принял. Но мой тебе совет. Будь осторожна. Не ешь незнакомую еду. Не балуйся с острыми предметами. Под ноги смотри...

– «...не стойте и не прыгайте, не пойте, не пляшите там, где идет строительство или подвешен груз», – процитировала я. И Урфин улыбнулся, причем эта улыбка чем-то отличалась от предыдущих. Не скажу чем, но я вдруг сразу перестала на него злиться.

– Послушай, – Урфин заговорил тихо и мягко, – я понимаю, что сейчас тебе нелегко, но подумай сама. Что тебя ждало?

Понятия не имею. Безоблачное счастье с мужем-олигархом, виллой в Испании и летом на Лазурном Берегу? Или, куда вероятней, при толике везения тихое существование в ипостаси бухгалтерши, пятничные посиделки на работе, сплетни коллег и мелочная зависть друг к другу, которая отравляет жизнь похлеще цианистого калия. А еще вероятней – ночевки на вокзале и все, что за ними следует.

– Мир избавляется от тех, кто ему не нужен. Несчастный случай. Или просто череда неудач, которая давит, пока не раздавит. Агония в обнимку с бутылкой. Или злой человек с ножом в переулке. Тысяча дверей, и все заперты. Я дал тебе шанс.

Он прав, и от этого только горше. Как бы то ни было, не Урфину решать. Он мог бы рассказать все как есть и... Что бы я сделала? Хватило бы у меня духу согласиться на его такое заманчивое предложение? Ой, вряд ли.

– Твой муж богат, как ты хотела. Он знатного рода. Его власть в пределах протектората безгранична. Он не стар. Не уродлив...

Все это чудесно, вот только жену этому замечательному человеку пришлось искать в другом мире. И чем дальше, тем больше меня занимает вопрос: почему?

– Он... – Я заглянула Урфину в глаза в робкой надежде, что по ним узнаю ложь. – Он садист?

– Что?

– Он бьет женщин?

И если так, то мне останется лишь сигануть из окна. Или использовать одну из атласных лент, которыми разукрашен мой халат, в качестве удавки.

Урфин несколько секунд разглядывал меня с явным удивлением, словно этот вопрос был последним из ожидаемых им, затем вздохнул и ответил:

– Я не могу себе представить, что должна совершить женщина, чтобы Кайя поднял на нее руку. Ты только ему таких вопросов не задавай, ладно? Постарайся просто отнестись к нему по-человечески, и все у вас будет хорошо.

– Тебе это гадалка нагадала?

– Вроде того.

– И поверил?

– Это очень хорошая гадалка. Она не ошибается.

Не скажет, пока не задам вопрос прямо. А я задам. Не постесняюсь:

– Все-таки... почему я?

И снова он ответил не сразу. Складывалось впечатление, что Урфин еще не решил, стоит ли мне доверять, а если стоит, то насколько.

– Ты – наименьшее зло, – сказал он. – Сама увидишь.

Урфин поднялся не без труда. Разговор наш стоил ему сил, которых у его сиятельства оставалось не так и много. Споткнувшись на ровном месте – начинаю подозревать, что это место не такое и ровное, – Урфин с трудом удержал равновесие. Спрыгнув с подоконника, я поддержала его – вдруг да упадет, ногу вывихнет или там шею свернет, а потом меня виноватой сделают.

– Не стоит, ваша светлость. – Урфин глянул на меня так странно, что я сама убрала руки. Хочет падать – пусть падает.

А у них здесь, наверное, не принято, чтобы леди помощь предлагали.

– Ваш супруг скоро вернется. – Взгляд стал прежним, отрешенным и даже слегка ледяным, как будто я вдруг в чем-то провинилась. – И я надеюсь, что к его возвращению вас приведут в порядок.

Зачем приводить? Я и так в порядке в отличие от некоторых.

Лорд-канцлер ожидал у подъемника. Конечно, он делал вид, что вовсе не Урфина ждет, а попросту прогуливается, любясь видом и мраморными горгульями. Стража делала вид, что верит и что им нет дела ни до Урфина, ни до лорда-канцлера.

– Мормэр Кормак. – Урфин слишком ослаб, чтобы кланяться, но старик наверняка сочтет сие произвольное нарушение этикета оскорблением. Впрочем, если бы Урфин все-таки поклонился, все равно поклон сочли бы излишне дерзким и опять же оскорбительным.

– Тан Атли.

Вензель, вычерченный полой плаща, был идеален.

– Как ваша спина? – осведомился лорд-канцлер с совершенно искренней заботой в голосе.

– Спасибо, хорошо.

– Я рад за вас... безусловно, премного рад за вас. Слышал, что вы беседовали с ее светлостью. Позвольте узнать, когда же мы удостоимся высокой чести лицезреть леди Дохерти, дабы засвидетельствовать ей свое почтение и восхищение?

Старый сыч мог говорить долго, а вот Урфин не обладал ни временем, ни силами, чтобы выслушивать весь этот витиеватый бред.

– Чего вы хотите?

– Хочу понять, как далеко заходит ваша самоуверенность, тан. Неужели вы и вправду надеетесь, что и эта выходка сойдет вам с рук? Или вы вновь всего-навсего не подумали о последствиях? Должен вас предупредить, что при всей моей к вам симпатии я отослал гонца к его светлости...

– Спасибо за заботу.

– ...и в послании изложил все, свидетелем чему стал. Боюсь, вас ждет неприятная встреча.

И прежде чем удалиться, лорд-канцлер отвесил еще один весьма изысканный поклон.

Оказавшись в клетке подъемника, Урфин опустился на пол. Он очень надеялся, что у него есть еще неделя или две до возвращения Кайя. И пять минут после, чтобы объясниться.

Глава 4

Чудесный новый мир

*Одна леди всегда ковыряла в носу в перчатках.
Потому что холеные пальчики и ухоженные ногти – главный
признак настоящей леди.*

*«Басни о пчелах, или Занимательные истории о леди
Дохерти», миннезингер Альбрехт фон Йохансдорф*

Первым не выдержал ягненок. Он жалобно заблеял, взбрыкнул, а затем по юбке моей потекло что-то прозрачное, теплое и с характерным запахом.

– Ах, леди! – хором воскликнули мои фрейлины и заученно закатили очи. Слава тебе господи, что сознания ни одна не лишилась. С них станется.

Придворный живописец, до сего момента увлеченно запечатлевавший неземную красоту нашей светлости, замер с приоткрытым ртом, тоже готовый не то в обморок упасть, не то просто на колени.

На колени здесь падали легко, даже привычно.

– Ужасно! – Первой опомнилась леди Лоу, старшая фрейлина, девица весьма неглупая, я бы сказала, себе на уме. Со мной она держалась если не свободно, то уж менее скованно, чем прочие. Единственное – в подчеркнутой любезности ее мне временами виделась издевка.

– Кошмар! – поддержала ее леди Ингрид, выделявшаяся среди прочих ростом и нелюбовью к парикам, что было вполне объяснимо: собственные рыжие волосы Ингрид были чудо как хороши.

– Бедолага просто устал. – Я передала ягненка лакею.

Признаться, я уже привыкла к тому, что рядом всегда есть кто-то, готовый услужить нашей светлости. Ну да, угождают не столько мне, сколько моему супругу, которого я до сих пор не удостоилась чести лицезреть.

И ладно. Мне и без него неплохо.

А переоденусь, так совсем хорошо станет.

– Ваша светлость желает сменить наряд?

– ...принять ванну...

– ...отдохнуть...

Наша светлость желали тишины и покоя, но это было невозможно. После того как тан Атли снял карантин, жизнь моя претерпела некоторые изменения. Так, отныне утро начиналось с появления дежурной фрейлины, которой вменялось в обязанность разделить со мной завтрак, помочь принять ванну и облачиться в домашний халат. Последние два пункта я, к недоумению прекрасных леди, выполняла сама, а вот завтраком делилась. Еды мне не жаль.

Тем более ели они более чем символично.

Затем в покои допускался куафер – некий гибрид парикмахера и косметолога. Первое наше знакомство было не слишком удачным, поскольку сей очаровательный мужчина, чем-то напоминавший бочонок в кружевах, вознамерился сбрить мне брови. Я ответила, что лучше бы ему не пытаться.

Куафер настаивал.

Я пригрозила, что его самого налысо обрею. И парик надеть отказалась. Рыжий. Черный. Белый. Любой. И даже розовенький, щедро усыпанный стразами. Правда, потом выяснилось, что стразы – это натуральные алмазы, ибо меньшее мне по статусу не положено... а если мне не по вкусу алмазы, то их тотчас заменят на сапфиры, рубины, изумруды... Ну да не важно. Мода модой, а здравый смысл здравым смыслом.

Здесьняя мода – отдельный разговор.

Когда-то, просматривая исторические фильмы, я люто завидовала героиням. О, как хотелось мне примерить роскошное платье века этак восемнадцатого... семнадцатого... чтобы юбки, кружева, корсеты.

Можно себя поздравить – сбылась мечта идиотки.

Платьев у нашей светлости целая комната. А к ним – кружевные воротники, нижние юбки, верхние юбки, рубашки, корсеты, панталоны с шелковыми чулками, к которым в комплекте шли атласные подвязки. Сам по себе каждый предмет – произведение искусства. Но вот носить это...

Чулки норовили соскользнуть. Панталоны были жутко неудобны, хотя бы потому, что застегивались сзади. В рубашках я путалась, а корсет, который дорогая моя Гленна затягивала с особой тщательностью, придавал моему облику не только изящество, но и требуемую бледность. К бледности прилагались устойчивый звон в ушах, мошкара перед глазами и прочие явные признаки кислородного голодания.

Я искренне пыталась отбиться от высокой чести, но выяснилось, что корсет – едва ли не самая важная часть туалета благородной дамы. И после долгих препирательств, где рассудок явно пасовал перед чувством долга, мы с Гленной сошлись на том, что его просто не будут пшуровать так туго, а то нашей светлости дороги ребра и мозг еще, как подозреваю, пригодится.

А что талия чуть больше положенного модой – так я привыкла.

Кринолины тоже пришлось мне не по нраву. Да и много ли радости в том, что к вам, полузадушенной корсетом, крепят конструкцию, напоминающую гигантский абажур. На конструкцию укладывают юбку, потом – нижнее платье. А уж на него – верхнее. Выглядит, безусловно, потрясающе, но вот передвигаться в такой «сбруе» крайне неудобно. Я терпела. И мысленно прикидывала, как бы половчей революцию устроить. Для начала, к примеру, трусы изобрести. А там, глядишь, и до лифчика дело дойдет. Мне-то он ни к чему, но некоторым дамам явно пригодится.

Если серьезно, то я помню наш с Урфином разговор и чем больше думаю, тем яснее осознаю правоту тана. Я не вернусь домой? Пускай. Начинают ведь жизнь с чистого листа, и что за беда, если открыт этот лист в другом мире. Здесь я богата и знатна. У меня есть собственный замок, трехпалубная галера и супруг, который когда-нибудь да объявится.

Морально я готова к встрече. Ну, более-менее.

– ...Ваша светлость. – Из задумчивости меня вывела Тисса, самая юная из моих фрейлин.

Их, вообще, было восемь. Все как на подбор – молоды, прекрасны по местным меркам и знатны. Леди Лоу – дочь самого лорда-канцлера. Леди Ингрид – лорда-казначей... и так далее. Леди Тисса выделялась не только возрастом – на вид ей было не больше шестнадцати, а на самом деле, подозреваю, меньше, – но и какой-то ненаигранной робостью. Краснела она столь же легко, как и бледнела. А от обмороков благоразумно воздерживалась.

– Вы желали бы надеть синее или зеленое? – Леди Тисса указала на платья, которые принесли в комнату. Оба наряда выглядели уныло одинаковыми. Крой. Ткань. Только синее было расшито розами, а зеленое – астрами.

Нет, с местной модой определенно пора что-то делать.

– Конечно, синее! – решила за меня леди Лоу. – Оно оттенит чудесный цвет глаз вашей светлости.

Глаза у меня серые и не особо выразительные, так что вряд ли цвет платья сыграет какую-то роль. И мне, честно говоря, действительно плевать. А вот Тисса покраснела, уши ее и вовсе стали пунцовыми.

Я пожалела девочку.

– Зеленое. – Я улыбнулась Тиссе, но она поспешно отвернулась, как будто стеснялась смотреть мне в глаза. И я догадывалась о причинах такого стеснения.

Кто на свете всех милее, всех румяней и белее? Ответ известен – наша светлость!

У нашей светлости чудесная фигура, от которой веет юностью. А короткие волосы вовсе не недостаток, потому что в нашей светлости недостатков нет.

Кожа смугловата? Как свежо!

Брови на отведенном природой месте? Как естественно и оригинально!

Уши не оттопырены и губы пухловаты? Это придает нашей светлости индивидуальность.

А еще у нас со светлостью оригинальные суждения и эксцентричный юмор. Мы вообще столь необычны, что у неподготовленных людей, вроде лорда-канцлера, икота начинается.

Ложь. Каждое слово, каждый поклон, сама эта готовность потакать во всем – ложь. Правда – в случайно пойманных взглядах, в которых я читала и удивление, и презрение, и плохо спрятанную злость. Похоже, я заняла чужое место. Чье? Леди Лоу, благородной до того, что сама мысль о служении кому-то повергает ее в ужас? Но леди слишком хорошо воспитана, в отличие от нашей светлости, чтобы этот ужас демонстрировать.

Дебеловатой сонной Ингрид, которая почти дружелюбна, но куда хуже владеет собой, и порой сквозь маску ее безучастия прорывается этакая брезгливая жалость. Наверняка они судачат о нашей светлости. И тень этих разговоров мешает Тиссе смотреть мне в глаза.

Как-нибудь переживу.

– А давайте играть в цветы! – воскликнула леди Тианна, существо легкое и в принципе беззлобное. Колибри злыми не бывают. – На фанты!

– Без меня. – Я знала правила игры, то же самое, что игра в города, но только с цветами. Нарцисс, сирень, незабудка, астра... ничего сложного. Это было даже весело, и проиграть я не боялась.

Скорее уж боялась выиграть.

Наша светлость выигрывали всегда. По официальной версии – благодаря незаурядному уму, обширным познаниям и так далее. Сначала было приятно. Потом... мерзко. Этакая победа с тухлым запахом.

– Чур, кто задание не выполнит, тот фант теряет! – поддержала Тианну леди Лоу. – Или выкупает! А деньги мы раздадим бедным.

Подозреваю, что леди Лоу если и видела бедных, то издали, а то и вовсе полагала их мифическими персонажами вроде единорогов. Но благотворительность – вечная тема. И фрейлины охотно поддержали идею. Мне оставалось лишь согласиться и указать на ту, которая начнет вязать цепочку слов. Выбор я сделала быстро:

– Тисса, ты будешь первой... Назови мне цветок на букву «а».

– Азалия! – воскликнула Тисса. Девочка обожала игры и веселилась настолько искренне, что мне самой становилось радостно.

– Ятрышник!

– Куколь!

– Это не цветок!

– Нет, цветок!

– Ваша светлость, скажите ей! – воззвали хором и громко, позабыв, что леди полагается говорить тихо, а желательно и вовсе не говорить, но лишь взирать на собеседников с печалью в очах.

Для пущей печальности нижние веки чернили.

– Цветок, – вынесла я вердикт.

– Лилия...

– ...раз, два, три... фант! Ваша светлость!

Фанты передавали мне, и постепенно на серебряном подносе собралось множество очаровательных мелочей. Колечки, брошки, атласные ленточки и бантики, которыми украшали прически, заколки для волос и даже изумрудный браслет, отданный леди Лоу небрежно, словно он ничего не стоил.

Основное веселье началось, когда пришла пора возвращать фанты. Не сказать чтобы задания отличались разнообразием, в основном они были творческими. Стихи, сочиненные тут же по опорным словам, рисунки на песчаной доске... выпрошенная через окошко роза, за которой все вместе спускали веревку, сплетенную из атласных лент. У леди Лоу оказалось неожиданно приятное сопрано, а баллада о любви простого рыцаря к леди тронула не только мое сердце.

– Пусть остается. – Леди благородно отказалась от браслета. – В пользу бедных.

Последним фантом было колечко, простенькое, я бы сказала, чересчур простенькое, без камней, гравировки и вообще каких бы то ни было украшений. Да и сделано не из золота.

– А этому фанту... – Право загадывать перешло к леди Лоу. Она сделала вид, что думает, и на идеальном лбу появилась крохотная морщинка. – Этому фанту... подарить поцелуй Чуме!

Тисса сдавленно всхлипнула, а леди Лоу, будто не слыша, велела:

– Гленна, будьте добры, прикажите тану Атли явиться.

Вот на этом месте веселье меня покинуло. Я еще не понимала, что происходит, но, судя по белому – белее меловой пудры, которой фрейлины пользовались без всякой меры, – лицу Тиссы, задание было вовсе не смешным.

Вмешаться? Отменить? И нарушить правила игры? Оставить все как есть?

Урфин не похож на человека, который причинит вред ребенку. Или похож?

– Тисса, милая, ты доставляешь волнение ее светлости, – промурлыкала Лоу, беря несчастную за руку. – Это же шутка, не более того...

Ох, что-то я сомневаюсь. Надеюсь, у тана Атли хватит ума сказаться больным.

Увы, удача была не на моей стороне. Урфин предстал передо мной, аки Сивка-Бурка. Выглядел он, кстати, куда лучше, чем в прошлый раз.

– Ваша светлость! – Церемонный поклон в его исполнении не выглядел смешным. А вот у меня чертовы приседания, которыми полагалось приветствовать лордов и леди, до сих пор не получались.

– Рады видеть вас в добром здравии, тан Атли, – без тени радости сказала Лоу. – И просим прощения, если оторвали от важных государственных дел, но...

Она подтолкнула Тиссу, которая пребывала в состоянии, близком к обмороку.

– ...у леди Тиссы к вам дело. Оно не займет много времени.

Следовало бы остановить этот цирк, но меня охватило странное оцепенение. Я, и Лоу, и прочие фрейлины, внезапно притихшие, ставшие похожими на перепуганных пташек, что жмутся друг к другу, ища поддержки, смотрели, как Тисса подходит к Урфину.

Поднимается на цыпочки.

Касается губами щеки и в следующий миг падает.

Урфин успел подхватить ее.

– Мы играли в фанты, – выдавила я в ответ на взгляд Урфина. Было в его глазах что-то помимо удивления. Ярость? Обида?

Не знаю.

Тиссу уложили на диванчик и принялись обмахивать. Костяные веера стучали, сталкиваясь друг с другом.

– Встреча с вами взволновала бедняжку, тан. – Лоу вытащила ажурный флакон с нюхательной солью. Но и это радикальное средство не привело Тиссу в сознание. – Она так много слышала... всякого... думаю, с сегодняшнего дня она и вовсе будет вами очарована.

– Увы, мое сердце отдано лишь вам, – очень медленно произнес Урфин. – И это чувство столь огромно, что я готов умолять лорда-протектора оказать мне высокую честь и донести до вашего отца скромную мою просьбу. Теперь, полагаю, ее исполнят.

Леди Лоу все же не всегда справлялась с эмоциями. Сквозь трещины в ее маске проглядывало искреннее отвращение, к которому примешивалась изрядная толика брезгливости.

Урфина здесь не просто недолюбливают. Его откровенно ненавидят.

И боятся.

Хорошее сочетание, нечего сказать.

– Вы знаете, что это невозможно. – Леди Лоу сумела взять себя в руки.

– Невозможное не всегда является недостижимым. Леди, – Урфин поклонился, – ваша светлость. Надеюсь, не слишком помешаю вашему веселью. У меня есть новости для вас.

И требуют они частной беседы.

Я уже думать начинаю так, как они здесь говорят: половина мыслей вслух, вторая – для внутреннего пользования.

– Оставьте нас, – велел Урфин, и его приказ был исполнен незамедлительно. Даже Тисса, которую совокупными усилиями вернули в сознание, ушла.

– Это была дурная шутка. – Урфин произнес это после секундной паузы.

– Я уже поняла. – Колечко все еще было у меня. Простенькое. Дешевенькое. Наверняка оно много значило для Тиссы, если она предпочла переступить через свой страх, но не потерять кольцо. – Простите, что втянула вас... тебя.

– И ты прости, что не предупредил. С ними... надо быть настороже. Особенно с некоторыми.

Это он о леди Лоу?

Урфин занял мягкий табурет, один из тех, что полагались фрейлинам. На стульях в присутствии нашей светлости сидеть не позволялось.

– Твой муж возвращается, – сказал тан Атли.

Возвращается... я ведь ждала. Не то чтобы с надеждой, скорее с опаской, и, пожалуйста, дождалась. Екнуло сердце, сжалось болезненно, и слезы на глаза накатили.

Вот еще... леди не плачут.

– И... и когда?

И не заикаются тоже. Леди воспринимают супруга как неизбежное зло. К мужу, как и к неудобным туфлям, надо лишь привыкнуть. Сначала жмут, натирают, но со временем, глядишь, разносятся.

– Два дня. Три дня. Четыре. Как лошади пойдут. Не надо бояться. Пожалуйста.

А я и не боюсь. Я испытываю сердечный трепет вследствие тонкой душевной конституции.

– И еще одно. Я хотел бы кое-что показать тебе. За пределами дворца. Ты же не против небольшой прогулки по городу?

Еще спрашивает! Мне осточертело уже сидеть с многозначительным видом, разыгрывая изящную леди, которая слишком уж изящна, чтобы придумать себе хоть какое-то занятие.

После возвращения фрейлин я вернула Тиссе ее колечко, а заодно, поддавшись внезапному порыву, стянула с пальца собственное. Благо драгоценностей у меня с избытком.

– Ах, ваша светлость! – К леди Лоу вернулась прежняя ее безмятежность. Она присела у моих ног с вышиванием, всем своим видом демонстрируя, что досадное недоразумение, имевшее место, забыто и не следует уделять ему слишком уж много моего высочайшего внимания. – Вы очень добры к бедной Тиссе.

Тисса с искренней радостью демонстрировала подарок фрейлинам. Они охали, ахали и славили мою неслыханную щедрость.

– А вы – не очень.

– Ничуть. Я искренне хотела помочь бедняжке.

Доведа до обморока? Интересный способ.

– Вы прибыли издалека... – Леди Лоу ловко управлялась с иглой, прокладывая контур рисунка. Бабочка? Цветок? Неудобно спрашивать, но до чертиков любопытно. – У вас, верно, иные обычаи. У нас же девушка, не имеющая иного приданого, кроме имени, рискует навеки остаться в девичестве.

Ужасная участь, надо полагать.

– А род Тиссы не столь уж знатен. Был. И тан Атли – лучшее, на что она может рассчитывать.

Еще немного, и я поверю в благие намерения...

Помню, куда ведут.

Глава 5

Чужие города

Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

Слова отца семнадцати детей при известии о скором появлении восемнадцатого

Этот город – самый лучший город на земле... ну, на этой земле определенно.

С замковых высей он и вправду казался рисованным. Этакая акварель из плоских крыш, выжаренных местным солнцем добела, зеленых парковых аллей и узких улочек.

Мы вышли рано, я уже и забыть успела, каково это – просыпаться до рассвета. И Гленна, ворча, что их сиятельство переступили все возможные границы приличий и воспользовались моей неопытностью, подала платье. Наряд был простым, невзрачным и вместе с тем удобным: юбка из плотной ткани, свободная рубашка на завязках и безрукавка. Последняя была расшита мелким речным жемчугом, но все равно по сравнению с прочими моими платьями выглядела бедно, если не сказать убого.

– Хорошо для купчихи, – сказала Гленна, когда я спросила ее, как выгляжу. – Не для вашей светлости.

А по-моему, мило. Главное, что в кои-то веки я могу дышать свободно.

И в дверной проем, что характерно, прохожу без посторонней помощи.

Тан Атли также выглядел не совсем обычно. На смену яркому сюртуку пришла куртка из коричневой кожи, панталонам – простые штаны. В руках его сиятельство держал широкополую шляпу с квадратной пряжкой.

В тени стены, бледная и дрожащая, стояла Тисса.

– В-ваша... с-светлость, – произнесла она, заикаясь, и отчаянно покраснела, – д-доброе утро.

– Доброе.

Утро и вправду было добрым. Солнечный круг завис над Кривой башней, которая, в противовес названию, была пряма, аки шест стриптизерши. Небо розовело, еще не отойдя после ночи, и одинокая звезда задержалась над стеной. С моря тянуло прохладой. Мешались запахи земли, дерева и дыма, копченого мяса и свежесдобитого хлеба.

– Дамы, вы выглядите просто превосходно. Прошу вас. – Урфин взял под руку меня и Тиссу, которая вовсе, казалось, лишилась способности говорить. Ну вот зачем было ее тянуть?

Ах да, наверное, нашей светлости неприлично разгуливать по городу на пару с их сиятельством, вот и выделили сопровождение. Впрочем, если так, то лучше Тисса, чем леди Лоу.

– Итак, перед вами внутренний двор замка. – Урфин взял на себя обязанности экскурсовода. – Сюда допускаются лишь избранные, а потому мы перейдем туда, где и подобает быть людям нашего сословия. Сословий всего три. Высшее, к нему относятся лорды и леди. Они владеют землями и стоят над всеми по праву благородного рождения. Среднее – горожане и земледельцы, чей труд позволяет жить и горожанам, и лордам. Ремесленники, из которых наибольший вес имеет гильдия оружейников. Ученые люди и торговцы. Третье

сословие – черное, или низшее. Бродяги. Нищие. Бездетные вдовы. Женщины... некоторые женщины, упоминать о которых в вашем присутствии не следует. Воры. Убийцы.

– Вы забыли еще одно сословие упомянуть. – Тисса говорила так тихо, что я едва-едва слышала ее. – Немое. Это рабы, ваша светлость.

Рабы? У них здесь рабство не отменили? Но я не видела никого в ошейнике, или с клеймом, или... Вообще, что я знаю о рабах? Ничего.

– Точно. Забыл. Как хорошо, что всегда найдется кто-то, кто напомним! Немые. Рабы и должники, работающие на откуп. Но вряд ли вы столкнетесь с кем-то столь ничтожным. К лорду или леди следует обращаться в зависимости от титула. Ваша светлость – к мормэру, его супруге и детям... но здесь так обращаются лишь к тем, кто принадлежит к роду Дохерти.

То есть это мой супруг и я?

Или есть еще кто-то? Какое непростительное отсутствие любопытства.

– Тана и его домочадцев следует величать «ваше сиятельство».

Замечательная лекция, еще бы прочитал он ее недельки на две-три раньше, совсем бы цены их сиятельству не было бы.

– К людям уважаемым из прочих сословий обращаются «мэтр» или «сул». Верно, Тисса?

Та пискнула что-то неразборчивое.

Меж тем мы пересекли границу стены, толщина которой меня поразила, и оказались на широченном мосту. Выложенный камнем, он был метров пять шириной и держался на массивных цепях, уходивших куда-то в стены. Под мостом протекала река, но выяснилось, что это всего-навсего ров.

– Во время прилива вода поднимается и попадает в трубы, – охотно пояснил Урфин. – Ров наполняется. А на отливе шлюзы отсекают воде путь. Стены рва выложены камнем. И пересечь его при поднятом мосте затруднительно.

За мостом началось то, что Урфин назвал Низким замком, но, по-моему, это было настоящим городом, мозаикой из камня всех цветов. Желтый песчаник. Серый гранит. Гранит красный, как свежая кровь. И темно-зеленый, с атласным отливом.

– Если обратишь внимание, то мы все время идем вниз. Некогда замок был построен на вершине горы, и городу оставалось лишь приспособиться.

Террасы, соединенные каналами и мостиками до того хрупкими, что и ступить страшно. Укрепленные колоннами и лесами стены. И каменные козырьки, нависающие над домами. На некоторых росли деревья, иные были покрыты толстым слоем мха.

– Некогда здесь было весьма грязно. И благородные леди предпочитали сидеть в Высоком замке.

Судя по выражению лица Тиссы, она была бы рада вернуться и посидеть еще немного.

А мне нравилось. Я остановилась у фонтана, в котором плавали толстогубые карпы, и Урфин купил у старушки кулек с кашей. Карпы подплывали к поверхности воды и разевали пасти. Они были ленивыми и наглыми, почти как голуби, что облюбовали другой фонтан и других старушек...

Низкий замок от города отделяла стена, но ворота здесь не имели ни решеток, ни стражи, а потому разделение это я сочла весьма условным.

– Еще лет двадцать тому простолюдинам, кроме тех, кто состоит на службе, было категорически запрещено подниматься в замок, – пояснил Урфин. – Кайя многое изменил.

– Лорд-протектор велик, – сказала Тисса.

– И широк. – Урфин остановился перед лужей, в которой грелась вислоухая свинья.

Последняя знать не знала, что перед нашей светлостью лежать нельзя, разве что с особого дозволения.

– Увы, некоторые реформы имеют непредсказуемые последствия, – дав свинье пинок, который та приняла с христианским смирением и лишь перевернулась на другой бок, Урфин предложил мне руку и помог перебраться через лужу. Идти пришлось по узкому и хлипкому бортику.

За Тиссой он тоже вернулся, но та вскинула подбородок, подняла юбки и гордо наступила в грязь. Туфли на ней, как и на мне, были отнюдь не шелковые, а вполне себе крепкие, подходящие для прогулок подобного рода, но мне почему-то стало неприятно.

– Там у нас Кифский рынок, – Урфин сделал вид, что ему все равно, – туда мы заглянем на обратном пути...

– А к морю?

Рынок – это замечательно, шопинг я люблю, пусть тут он будет и с оттенком хорошо выдержанного ретро, но море я люблю больше, правда, и видела-то его раз в жизни.

Мы с Машкой отправились в Крым. Точнее, Машка с друзьями и я в нагрузку, как теперь понимаю. Тогда все казалось великолепным. И долгое путешествие в общем вагоне, где было жарко, людно и воняло пролитым пивом. И скалистый берег. И палатки, и костер, и вечно подгоревшая еда, и даже Машкино молчание, полное холодной брезгливости. Она рассчитывала на совсем другой Крым, а мне было достаточно моря. Вода от края до края. Небо, которое почти отражение воды. Белая нить горизонта. И лунная дорожка от берега до звезд.

– Мы пойдем к морю? – Я дернула Урфина за рукав. – Пожалуйста.

– Конечно. Но чуть позже.

– В-ваша светлость, – Тисса догнала меня и пошла рядом, нарочно держась подальше от тана, – благороднорожденные дамы не ходят к морю.

– Почему?

– Не ходят, – повторила она, глядя под ноги. – Не принято.

Значит, примем. Нельзя же всю жизнь провести в каменной коробке за вышиванием! А Урфин вел нас по узким улицам. Дома смыкались друг с другом плотно. И камень был одного цвета – желтоватого, костяного. Порой в него попадали вкрапления темной глины или же дерева.

– Хлебопекарни... лавки зеленщиков... коптильни... – Урфин не переставал говорить, но остановиться и рассмотреть поближе хотя бы вот того смешного человечка, который прямо на земле разложил цветастый платок и на нем смешивал травы, не позволял. – Алхимические мастерские... аптекарни... там дальше – Дымная часть...

Над городом и вправду поднимались дым.

– Кузницы. А слева – Шелковая улица. Ткачи обитают... мыловарни... красильщики, но туда соваться не стоит.

Я не успевала ничего рассмотреть! Интересно же! И, зазевавшись, я на секунду отстала. Но этой секунды хватило, чтобы оказаться в цыганском круговороте.

Мелькали яркие юбки, звенели серьги и бубны, гортанный голос требовал позолотить ручку, на которой и без того было изрядно золота. Мне предрекли счастливую жизнь и троих детей, но тут же пригрозили проклятием, снять которое...

– Кыш пошли, – рявкнул тан Атли, выдергивая меня из хоровода. В левой руке он держал мальчишку самого разбойного вида. – Отдай!

Мальчишка зашипел и задергался, но, не получив свободы, выплюнул белые жемчужины. С моей жилетки срезал? И когда только успел!

Вот ведь, мир другой, а цыгане те же. И Урфин подтвердил догадку:

– Люди дороги не знают границ. Мир их не держит. По-моему, не видит даже.

Нищий, ловкий, как закаленный в мусорных боях помойный кот, прошмыгнул меж цыганами, и белые жемчужины исчезли.

– Леди, не отставайте, умоляю, мы уже почти пришли.

– Куда?

К огромному строению, которое не отличалось ни красотой, ни изяществом, а только размерами и цветом. Черные стены его жадно пили солнечный свет, но камень оставался холодным – я проверила, прикоснувшись тайком. Ни окон. Ни статуй с барельефами. Ни каких бы то ни было украшений.

Единственная дверь – чугунные створки с натертыми до блеска, натруженными петлями – распахнута настежь. К двери ведут три ступени, и на каждой сидит по старухе. Урфин бросил им горсть монет.

– Леди Тисса подождет нас здесь.

Это уже была не просьба, но приказ. И Тисса не осмелилась ослушаться. Мы же вошли в храм. Почему я решила, что это именно храм? Просто уж больно он не похож на все прочие виденные здесь здания. Темно. В первый миг темнота оглушила. И я схватилась за руку Урфина просто чтобы убедиться – он рядом.

Здесь каждый сам по себе.

Ни нефа. Ни алтарей. Пустота, расцвеченная свечами. Робкие огоньки их – близкие звезды, к которым меня ведут. Звуки странным образом исчезают, и это правильно – в храме необходимо уединение.

Я не религиозна. Я была и в церкви, и в мечети, и в синагоге, всякий раз поражаясь той особой красоте, которая наполняет любой, без исключения, храм. И даже этот, безымянный, был удивителен своей безбожной простотой.

Постепенно тьма отступала. Она отползала, оставляя лужи остекленевшей черноты, и собственные мои отражения смотрели из них. Отражения отличались друг от друга, и потому казалось, что они все – я, только та, которая могла бы быть.

– Когда я впервые попал на другой лист, – голос Урфина был тих, но все равно раздражал это место, – меня удивила вера. Бог как существо, сотворившее мир и до сих пор за ним присматривающее? Люди-дети и рай как награда за хорошее поведение? Я не оскорбляю тебя?

– Нет.

– Хорошо. Мне бы не хотелось. Листов множество. Есть такой, где люди приносят Богу все самое лучшее, а сами живут в нищете. Есть другой, где в правители выбирают лишь безумцев, потому что думают – Бог говорит через них. Есть третий, где безглазые жрецы взвешивают на особых весах добрые и злые молитвы, говоря, что делать человеку. Их цель – соблюсти равновесие.

– Странно.

Мы шли. Темнота делала огромное здание и вовсе бесконечным. Остались позади созвездия свечей, и на полу прорезались жилы белого света. Они сплетались друг с другом в причудливые сети и поднимались, разрезая пространство. От них не исходило тепло.

– Здесь же думают, что Творец, тот самый Творец, который дал миру начало, ушел. И нет

нужды молиться ему.

Сети соединились. Белый свет сделался ярким, резким.

– А кому здесь молятся?

– Смотри! – Урфин отступил, оставляя меня наедине с... чем?

Не алтарь. Не иконостас. Картина?

Красный конь встал на дыбы. Пасть его разодрана удилами. Кровь мешается с пеной, и кажется, что жеребец вот-вот рухнет от непомерного усилия. Копыта готовы обрушиться на землю, на меня, смять и раздавить. Сполохи пламени скользят по клинку, по алым доспехам, которые сами будто бы сотворены из живого огня.

Взгляд рыцаря полон гнева.

«И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч...» – Я не понимала, откуда берутся эти слова, но они были правильны и единственно возможны.

– Кайя Дохерти, – Урфин не позволил мне отступить, а ведь больше всего мне хотелось нырнуть в темноту, спрятаться и от коня, и от меча, и от самого всадника, – лорд-протектор. И нынешнее воплощение войны.

А по совместительству мой супруг.

Эк меня угораздило, однако.

Глава 6

Рабы (не)мы

А потом он украл из дворцового зала шкуру тигра, завернулся в нее и грабил по ночам одиноких прохожих...

Правдивая история из жизни лорда-советника, седьмого тана Атли, рассказанная зеленицей со слов ее троюродной сестры, которой случилось помогать на замковой кухне

– Спокойно, Иза! – Руки Урфина были надежной опорой, пусть бы я и не собиралась по местной традиции лишаться чувств. Война? Ничего страшного. У всех свои недостатки. Я тоже не ангел господень. – Ты вряд ли когда-нибудь увидишь Кайя в этой ипостаси.

– Почему?

– Ты женщина.

Надо же, я не против мужского шовинизма в отдельно взятой ситуации.

– Я просто хочу, чтобы ты сама увидела. Ты не отсюда родом. Ты способна мыслить иначе, чем они.

– Война – это...

Что? Бог этого мира или части его? Всадник апокалипсиса? Или безусловное зло?

– Явление, – подсказал Урфин, – стихия. Только в отличие от природной эта рождена людьми. И, как стихия, она способна разрушать.

Под копытами красного жеребца лежали развалины. Приглядевшись, я могла различить дома и людей, таких крошечных, беззащитных.

– Или сдержать разрушение. В твоём мире есть оружие настолько сильное, что его нет нужды использовать.

Атомная бомба? Ее использовали. Дважды. Но Урфин прав – миру хватило, чтобы испугаться. Но как надолго хватит этого страха? Я раньше не думала об этом. А теперь вот, глядя на растоптанный разоренный город, вдруг поняла, что ничего не знаю о войне. Я видела фильмы про наших и немцев. И еще про Вьетнам. И про рыцарей тоже, которые хотели захватить Иерусалим, потому что там жил Бог.

– Кайя – сила сдерживания. – Урфин отпустил меня, наверное поняв, что не сбегу.

– Поэтому его боятся?

– И поэтому тоже.

– А почему еще?

Мне отчаянно хотелось взглянуть в лицо рыцарю, который столь пристально разглядывал меня. Я понимала, что взгляд этот нарисован и что снять шлем не выйдет по той же причине, однако желание и логика – вещи трудносовместимые.

– Стихию сложно сдержать в узде. И война не перестает быть, потому что есть Кайя. Он изменяет войну под себя, но не прекращает ее вовсе. Невозможно остановить приграничные стычки. Или пиратские набеги. Изловить все разбойничьи банды или мародеров... убийц, насильников... копателей могил... Война многолика. Люди не то чтобы обвиняют его. Скорее уж думают, что, если понравится Кайя, глядишь, война обойдет твой дом.

– А если нет?

Урфин не стал отвечать. И без того понятно. Страшный мир, но вера их крепка. Наверное, оттого, что бог их во плоти и живет рядом.

– Жертвы ему не приносят? – на всякий случай уточнила я. А то мало ли, вдруг обряд бракосочетания – это местный эвфемизм, и вместо брачного ложа – не сказать чтобы я сильно на него спешила, – меня ждет холодный алтарь и нож в сердце.

– Раньше приносили. Но дед Кайя запретил. Его жертвы – на поле брани.

Реформатор, однако. Хотя на сердце полегчало.

– Войне не молятся. Но иногда благодарят, если она проходит мимо. Или же просят, чтобы война забрала кого-то. Просьбы опасны, потому что война способна явиться на зов, и как знать, кого она выберет – просящего или того, чье имя он назвал огню? Поэтому просит лишь тот, кому нечего больше терять.

Мы отступили. Попятились, не смея повернуться спиной к грозному рыцарю, который вновь спрятался в сумраке. И белые сети, сплетенные из тончайших жестких нитей, – я решилась-таки потрогать их, – погасли.

– Это ночная мурана, – пояснил Урфин. – Растение, которое живет лишь там, куда не заглядывает дневной свет. Ее семена прорастают в песчаник. Они растут очень медленно. На толщину волоса в год. Побег выделяет особый сок. От него песчаник чернеет и становится прочным, как... как камень. Как самый прочный камень из всех, известных мне. И чем дольше мурана живет, тем прочнее ее убежище.

Толщина волоса в год? Это меньше миллиметра! А плети мураны свешивались с крыши до самого пола почти. И сколько же лет этому месту? Столько же, сколько рыцарю на стене.

– Стой! – Я приказала Урфину, и тот подчинился приказу. – Сколько ему лет?

– Кайя? Двадцать девять. Хороший возраст.

Ну... могло быть и хуже. Я уж было подумала... но все равно уточню.

– Он не бессмертен?

От этих богов никогда не знаешь, чего ожидать.

– Нет. Его сложно убить, и жизнь его будет длиться немного дольше, чем у обычного человека.

– А рисунок?

– На этой фреске, – поправил меня Урфин, – изображен первый лорд-протектор Кайя Дохерти.

Семейное, значит. Ну, ничего, как-нибудь уживемся. В конце концов, что мне еще остается?

Тисса ждала на том же месте, где мы ее оставили. Она стояла ровно, как гвардеец перед дворцом королевы, и глядела исключительно под ноги. Нашему появлению Тисса обрадовалась, хотя тут же нацепила маску безразличия. Только плоховато у нее получалось притворяться.

– Мы возвращаемся? – шепотом поинтересовалась она и тут же предупредила: – Леди не посещают это место.

Я так понимаю, местные леди вообще предпочитают не высовывать нос за пределы собственных покоев. Ничего, постепенно перевоспитаем. Я прямо чувствую в себе безудержное желание изменить мир. Надеюсь, он выдержит.

К моему удовлетворению, повернул Урфин не к замку, а как было обещано – к рынку.

Ура! Мы идем за покупками! Вернее, идет Урфин, Тисса скорбной тенью держится сзади, а я подпрыгиваю от нетерпения.

Лавки, лавочки, лавчонки... сколько же их! И рынок – вовсе не огромная площадь, где с самодельных прилавков торгуют китайским ширпотребом. Нет, нынешний рынок – это целый город разноцветных палаток, ярких навесов, каменных строений, которые выделялись своей основательностью. Это узкие улочки, чей рисунок менялся прямо на глазах.

Шелковый шатер, расписанный розами и полный удивительных тканей. Бархат, мягкий и теплый, словно живой, и переливающаяся всеми оттенками тафта. Жемчужные тона атласа. И прозрачный, летящий газ, который смуглолицый и молчаливый торговец ловко протягивал сквозь кольцо. И лавка золотых дел мастера, старенького, иссохшего до того, что сперва я приняла его за удивительную статуэтку. А сообразила, что ошиблась, лишь когда мастер открыл глаза. Он неторопливо раскладывал на темном, отполированном прикосновениями дерева пасьянс из колец, перстней и серег удивительной работы, выводил дорожки золотых браслетов и строил целые замки из тяжелых нагрудных цепей.

Я хотела купить все и сразу.

Урфин торговался, почему-то так же молча, но яростно, выкидывая цену на пальцах.

Потом был домик парфюмера, и я смотрела, как драгоценные эссенции цветочных масел соединялись друг с другом, рождая чудесный аромат...

...и выбирала соль для ванны...

...и сетки для волос...

...перчатки...

Тысячи чудеснейших вещей.

А когда устала, мы остановились у помоста и посмотрели, как ловко смуглая плясунья управляется сразу с шестью факелами. И Урфин свистел, топал вместе с толпой. А потом бросил девушке монету, которую та поймала на лету, не упустив, однако, факела.

– Это недостойно, – пробормотала Тисса, впрочем, уже не слишком уверенно.

– Это весело, – возразила я ей. – Но я хочу есть.

И мы отправились за едой. Урфин привел нас к длинному и низкому строению, точнее даже не строению – навесу, лежавшему на толстых столбах. Здесь не было привычных мне, да и Тиссе тоже, столиков, их заменяли ковры, а вместо стульев предлагались подушки со смешными кисточками. Еду подавали в деревянных тарелках, выстланных темно-лиловыми листьями.

– Мирса, – подсказал Урфин. – Придает кушаньям особый аромат.

А есть приходилось руками, в чем была своя прелесть. Горячий жир стекал по пальцам и собирался в ладони, откуда его следовало промакивать куском сухого хлеба.

Звенели натянутые струны местной домры, которые терзал белоглазый музыкант. И я вдруг поняла, что мне хорошо. Здесь и сейчас. В этом месте. В этом мире. И, быть может, я стану ему нужна? Зачем?

Пока не знаю.

Музыка стихла. А я вдруг увидела, что музыкант сидит на цепи. Ошейник его был скрыт под высоким воротником, но цепь выползала из-под рубахи и металлической змеей стекала к полу.

– Он раб? – спросила я.

– Должник. – И, не дожидаясь вопроса, Урфин объяснил: – Ошейник скрыт. Размер долга определяет судья. И когда человек отработает долг, он становится свободен. Обычно

долг выплачивает гильдия, которая уже сама дает должнику работу. А раб – это навсегда. И ошейник он прятать не смеет.

– Бывают исключения. – Тисса говорила, с невыразимым отвращением разглядывая содержимое тарелки. К еде она не прикоснулась, хотя готовили здесь прекрасно. – Очень редко. Но все же бывают.

– Исключение поддерживает правило.

Похоже, этим двоим есть что сказать друг другу на своем языке, который все еще мне не понятен. Но такой замечательный день вдруг оказался испорчен. Снова зазвенели струны, но звучали они иначе.

Не понадобилось ничего говорить – Урфин сам все понял. Он вообще на редкость понятливый. Может, мысли читает? Мы вскоре свернули в переулок, а потом опять свернули... и еще раз... и снова... рынок остался позади, и нас окружили высокие – в два-три этажа – дома.

– Куда мы идем? – Признаться, я устала как собака и уже согласна была бы вернуться в замок, где меня ждали Гленна, ванна и постель, но ныть не буду. А то в другой раз не возьмут.

– Уже недолго, – пообещал Урфин.

Говорю же, понятливый. И слово держит. Мощенная камнем дорога сузилась, избавилась от камня и стала одной из тех неприметных тропок, которые расчертили Крымское побережье. Она то становилась уже, то расширялась, тесня к камням сизые колючки, то вновь истончалась, чтобы протиснуться сквозь нагромождение валунов.

А море шумело рядом. Его голос перекрывал далекое эхо города. И ветер обнял меня, растрепал колючей лапой волосы. Он нес запах соли, и йода, и еще рыбы, смолы, немного – прели – всего того, чем полны берега. Но вышли мы не на берег – на каменный козырек, выступавший из горы.

– Не бойся, – сказал Урфин. Кому? Мне? Тиссе?

Я не боюсь. Я люблю море, а оно отвечает мне. Синь, куда ни глянь – синь. И белые чайки сливаются с небом. Выше чаек – безе облаков. И тянет подойти к самому краю.

Тисса отступает. Ей страшно, и она не пытается скрыть страх. Тисса пятится по тропе, пока не отходит на безопасное расстояние.

Пускай. Я уверена, что море не причинит мне вреда.

Отсюда виден и город – вьется лента стены, открываясь пристаням. Между ними и кораблями снуют лодки. От берега они идут пустые и быстро, облепляя длинные борта судов. Назад же ползут, придавленные весом груза.

– Тебя не любят, потому что ты маг? – Я села на край козырька, а Урфин остался стоять. Его тень сползала на скалы... этаким сказочный великан.

– И поэтому тоже. Но я не маг. Гильдия меня не признала. Я слишком стар, чтобы учиться в Хаоте. И слишком привязан к этому миру.

Сказал, как мне почудилось, с грустью.

– Поэтому моя сила – неразменный золотой, – продолжил Урфин. – Я сумел вытащить тебя, но вряд ли смогу зажечь свечу. Или вызвать дождь... ураган вот – это пожалуйста. Чуму. А остановить вряд ли получится.

Чуму, значит. Они тут все, как посмотрю, массового поражения.

Помнится, леди Лоу так его и назвала – Чума.

Очаровательно. Есть лорд Война, лорд Чума, осталось отыскать Смерть с Гладом и будет полный комплект.

– Мысли ты не читаешь? – на всякий случай уточнила я, а то кто этих магов, пусть и недипломированных, разберет. И вообще, Эйнштейна тоже из университета исключили. А он потом теорию относительности создал.

– Не читаю. Иллюзий не создаю. По воздуху не перемещаюсь. Предметы не зачаровываю. С проклятиями у меня тоже не ладится.

Ясно. С Эйнштейном я поторопилась.

– С другой стороны, в стране слепых и одноглазый – король. Магам запрещено здесь находиться.

И почему меня это не удивляет? Но ответа на интересовавший меня вопрос я так и не получила.

– Они тебя боятся?

– И боятся тоже. – Урфин опустился на песок, сидел он по-турецки скрестив ноги и накрыв ладонями колени. – Но скорее презирают. Я думал, что ты догадалась. Я – раб. Вернее, был когда-то. Давно, но это не важно, как давно. Двадцать лет. Тридцать. Сто тридцать. Не они, но их дети и внуки будут помнить, что тан Атли не тан, а раб, которому дали свободу. Это здесь не принято.

Раб? Он – раб? Вот этот уверенный в себе тип – раб? Пусть бывший, но я представить себе не могу Урфина в ошейнике, который ко всему надо носить напоказ. А не потому ли его так раздражал воротник?

– Замечательный здешний обычай – дарить ребенку друга. Года в три разница неощутима. Если трещина и есть, то она не мешает жить. Но чем дальше, тем шире трещина. И годам к десяти приходит четкое понимание.

– Чего?

– Своего места в мире. Быть рядом. Держаться в тени. Помогать всегда и во всем. Служить. Такому рабу доверяют любые тайны. А он не способен предать. Есть особые ритуалы, которые гарантируют верность.

Понятно. О правах человека здесь и слыхом не слыхивали.

– Кайя дал мне свободу. – Урфин подпер подбородок кулаком. – И титул. И власть. И богатство. И все, что у меня есть, принадлежит ему.

– Потому что ты... тебя...

– Нет, Иза, «тенью» меня не сделали. Но Кайя – единственный человек, который держит меня в этом мире. И ради него я готов на все.

Речь Урфина прервал громкий звук, донесшийся со стороны моря. Крик? Раскат грома? Голос оборванной струны и эхо колокола. Мелодия осколков стекла, которые рассыпаются под ударами молний. Огромная тень скользнула с небес.

– погоди секунду. – Урфин выудил из-под полы тростниковую дудочку. Приложив к губам, он заиграл, но я не услышала ни звука. Зато тот, кто скользил над облаками, похоже, обладал куда более чутким слухом. Он ответил, и на сей раз голос исполина отразился от скал. Он пронизывал меня, но это было... странно. Всего-навсего странно.

Оборванную мелодию подхватил целый хор.

– Смотри, – Урфин поднял руку, – странствующий паладин.

Больше всего это походило на помесь кита и дирижабля. Исполин скользил меж облаков, и тело его заслоняло солнечный свет. Отраженный от кожи, тот становился лиловым, зеленым, красным. На моих ладонях распускалась радуга. А паладин подбирался ближе.

Непостижимо огромный.

И такой изящный.

– И его свита... крылатки.

Быстрые дельфиньи тени скользили в облаках, они ныряли и выныривали, касаясь друг друга лопастями плавников, вертелись в быстром танце, поднимаясь к самому солнцу, чтобы соскользнуть с луча. Вниз и к морю и снова вверх.

– Они не трогают людей, если люди не трогают их.

Паладин подошел еще ближе, позволяя разглядеть себя. Его шкура сверкала на солнце. На спине она была темная, а к животу светлела до молочно-белого, жемчужного. Тяжелая китовья голова с трудом поворачивалась то влево, то вправо, и длинные усы, окаймлявшие пасть, трепетали.

– Они ловят малейшие токи воздуха, – объяснил Урфин, протягивая открытую ладонь. Их с паладином разделяли считанные метры, но я вдруг поняла – зверь не решится подойти ближе.

Жаль, мне хотелось бы прикоснуться.

– Питаются они белой пядью. Это мошки, рой которых носит воздушными течениями.

У паладина человечьи глаза. И я отражалась в черных зрачках и в золотой радужке, как отражался Урфин, берег и далекое море. А потом паладин ушел. Он взмахнул не то еще плавниками, не то уже крыльями, и ветер едва не сбил меня с ног. Каждый взмах уносил его дальше и дальше.

Плач крылаток звал гиганта за собой.

– Прежде их было много, – сказал Урфин, разрушив очарование момента. – А теперь паладины – редкость. Люди почти всех выбили.

– Из-за мяса?

– Нет. Мясо у них жесткое, такое только для рабов и годится. Из-за костяной решетки, которая стоит в горле. Ее пускают на корсеты. А еще в голове паладина есть особое масло. Из него делают духи или ароматное мыло, еще иногда – особые свечи.

Корсеты? Масла? Духи? Убить подобное чудо ради такой ерунды?

– Идем, Иза. – Урфин подал руку. – Нам действительно пора.

Тисса ждала, присев на желтый валун. Она была задумчива, если не сказать – растерянна. Вряд ли ей доводилось видеть живого паладина. Мы переглянулись, и впервые я увидела в глазах девушки сожаление.

К воротам Высокого замка мы подошли даже не в сумерках – впотьмах. Пожалуй, из-за темноты, а еще из-за усталости я и не обратила внимания на рыцаря. Точнее, обратить-то обратила, но приняла за статую, которых здесь имелось во множестве. Но вот статуя, громыхая броней, преградила нам путь, и Тисса со сдавленным каким-то, отчаянным всхлипом распростерлась в поклоне. А Урфин как-то совсем уж обреченно произнес:

– Вечера доброго, Кайя. Не ждал тебя сегодня.

Глава 7

К нам приехал...

Не так страшен лорд, как его малюют.

Из откровений старшего конюха, посетившего галерею изящных искусств, открытую под патронажем и во славу лорда-протектора

Нет, я люблю сюрпризы, но только приятные, потому как если разобраться, то таракан в банке со шпротами тоже своего рода сюрприз, а вот удовольствия не доставит. Наверное, я подумала о таракане лишь потому, что сама вдруг ощутила себя насекомым. Маленьким, ничтожным и беззащитным жучком.

– Вечер добрый, – только и сумела выдавить я.

Рыцарь. Ну, рыцарь. Ну, огромный. Небось на экологически чистых стероидах вскормленный. Так чего теперь – в обморок падать? Во-первых, камни грязные, во-вторых, не приучена наша светлость к обморокам. И потому держимся с достоинством, насколько это возможно. Разглядываем свежеприбывшего супруга.

Черт, он меня определенно одной рукой раздавить способен. Просто положит на плечо, и прощай, Изольда. В нем метра два роста, а если с этой штукой, которая из шлема торчит – нечто среднее между султаном цирковой лошадки и потрепанной щеткой, которой в доме убирают, – то и все два двадцать будет. Против моих-то полутора метров. Вширь их светлость тоже раздался.

А уж грозен-то...

Броня блестит, словно маслом смазанная. Тут тебе и шипы, и рогульки, и завитушки какие-то. Даже львиные морды имеются. Пасти раззявили и хвосты плаща держат. А ветерок его этак готичненько развеивает за плечами лорда-протектора. Для полноты картины не хватает лишь кровавых сполохов за плечами. Ну или дымов черных, зловещих.

В общем, задумалась я несколько, а очнулась от короткого и веского приказа:

– В замок.

Он бы еще «место» скомандовал.

– А ты, Урфин, ко мне!

Ага, это уже на «рядом» похоже. Я собиралась было возразить, но Тисса, вцепившись в руку нашей светлости, бодрой рысью потрусила в указанном направлении, и мне не оставалось ничего, кроме как последовать за ней. Куда только подевалась обычная ее девичья бледность? Щеки Тиссы полыхали, что породистые маки. А пальцы, сжимавшие мое запястье, были горячи.

– Ваша светлость, – остановилась она лишь у дверей, отделявших мои покои от общедворцовых, – при встрече с их светлостью надо делать реверанс.

– Сделаю, – пообещала я, изнывая от любопытства. – В следующий раз. Как встречусь, так прямо сразу и сделаю.

Больше всего я опасалась, что Гленна перехватит эстафетную палочку опеки надо мной, но Гленны не было. И вообще в покоях царила удручающая пустота. Только старый знакомец – кот, чье имя мне так и не удалось выяснить (мы сошлись на том, что я зову его

Котом, а он под настроение отзывается), – возлежал на кровати.

– И где все? – поинтересовалась я у кота.

Он зевнул и потянулся, пробуя когтями атлас.

– Понятно. Крысы покинули тонущий корабль. А ты, выходит, остался?

Могу поклясться, что Кот распрекрасно понимал человеческую речь, но отвечать считал ниже собственного достоинства. Сейчас он спрыгнул с кровати, подошел ко мне и потерялся о ногу, то ли утешая, то ли подбадривая.

Я наклонилась и почесала его за ухом.

Будет ложью, если сказать, что подслушивать я не собиралась. Очень даже собиралась – как не подслушать, если разговор пойдет о нашей светлости и дальнейшей ее судьбе, – но имела некоторые опасения, что осуществить желаемое не удастся. А тут голоса. Своевременно.

Громко.

И близко. Хотя не настолько близко, чтобы различить слова.

Мы с котом переглянулись и прекрасно друг друга поняли.

– Веди, – велела я, здраво рассудив, что кот лучше ориентируется в дворцовых переходах.

Он и повел, сначала к двери, которую обычно использовала Гленна – уверяла, будто за дверью нет ничего интересного. Соврала. За дверью была лестница, узкая и с крутыми ступеньками. Кот двинулся вверх, а я за ним. Правда, пришлось разуться – мои замечательные туфли имели твердую и, как выяснилось, громкую подошву. Я оставила их на ступеньках.

– Надеюсь, оно того стоит. – Если разговаривать, пусть даже и шепотом, то не так страшно. – И если нас поймают, то не прикажут повесить... а то мало ли, вдруг они там не меня, а государственные тайны обсуждают. Оно мне надо, их тайны знать?

Должно быть, со стороны я выглядела жутковато. Наряд мой прогулки не вынес – измялся, запылится, а рукава белой блузы потеряли изрядно белизны. Растрепанные волосы, бормотание бормотания ради – чем не ведьма? К счастью, нам с Котом никто не встретился по пути. Да и путь был недалек.

Вскоре я оказалась на площадке перед дубовой, почти сейфовой с виду дверью. Кот делал вид, будто точит когти, и налегал на несчастную дверь всеми своими килограммами. И дверь поддалась, приоткрылась беззвучно, ровно настолько, чтобы мы прошмыгнули.

– ...Кайя, хватит на меня орать! Дай же...

– Замолчи!

Сказано так, что даже я рот прикрыла, хотя совершенно точно не собиралась говорить. Молчание вообще, если разобраться, золото.

А голос-то, голос какой! С таким басом только парадами командовать.

Воцарилась тишина, до того гулкая, что слышно было, как колотится мое сердце. Я огляделась. Комната. Большая такая комната. Мраченькая, если не сказать – зловещая. Стены – голый камень. Потолок – тоже камень. И пол, что характерно, каменный, холодный. Хоть бы коврик бросил... нет, я понимаю, брутальность образа, имидж обязывает и все такое, но коврика однозначно не хватало. А вот на стенах коврики были, вернее, не коврики – гобелены, но стирались они лет двести назад, а то и триста, с тех пор изрядно заросли грязью, копотью и розовой плесенью, которая, несмотря на цвет, умудрилась в интерьер вписаться.

– Ну? – прозвучало крайне недовольно, я аж шарахнулась, едва не налетев на рыцаря.

При ближайшем рассмотрении рыцарь оказался пустышкой, в смысле доспехами, установленными в уголке, не то красоты ради, не то в качестве выходного костюмчика.

Отполированы были до блеска.

– Ты же велел молчать. Я и молчу.

Я повернулась к доспеху одной щекой. Потом другой. Профиль нашей светлости размазало по нагруднику. Нос растянулся, а подбородок исчез, отчего я сделалась похожей на гусыню.

– Урфин, прекрати, пожалуйста.

Действительно, не надо злить злого человека. Он устал. Ехал, ехал, а тут я. Надо понимать, что их светлость немного другого ожидал. Чего? Ну... наверное, чего-нибудь изможденного, с высоким и покатым лбом, напудренным личиком и париком в полметра, сквозь который, аки сорняки на кладбище, перья пробиваются.

– Извини. – Урфин пошел на попятную.

– Я пришел к тебе с миром. Я оставил тебе договор. Я надеялся, что мы правильно друг друга поняли. И что ты просто уладишь формальности. Я договорился с лордом-канцлером. Он уверил, что леди Лоу будет не против...

– ...еще бы...

– И вот вместо того чтобы просто сделать то, что должен сделать, ты приводишь... вот это?!

Я – «это»? Да он себя видел? Македонский фигов. Лорд Война и полцентнера пафоса в придачу.

Обидно, между прочим.

И жуть как интересно.

Выходит, я заняла местечко, отведенное леди Лоу? Прекрасной любительнице бедняков и дочери того забавного старичка. Но хотя бы понятно, отчего, кланяясь, он глядел на меня, как солдат на вошь. Правда, взгляд этот длился доли секунды, а потом старичок стал любезен и мил.

– Ты ее любишь? – поинтересовался Урфин. Надо сказать, весьма своевременно поинтересовался. Он бы еще годик-другой обождал, прежде чем вопрос задать.

– Леди Лоу? Нет. И какое это имеет значение?

– Никакого, ты прав. Тебе надо было жениться. Ты женился. Сердце не разбито. Голова вроде тоже цела. Так в чем проблема?

Стоять босиком было холодно, а туфли остались далеко. И я приняла разумное решение присесть, благо стульев в комнате имелось целых два, и оба массивные, высокие, из темного дерева, поточенного червецом. Надеюсь, не настолько, чтобы хрустнуть подо мной.

– Да, поначалу я был зол на тебя. И поэтому собирался поступить именно так, как ты хотел. Это было бы хорошей мезью. В духе благородного человека. Тем паче что леди Лоу искренне ждала предложения и даже стала мне улыбаться. А лорд-канцлер и вовсе был сама любезность. Вот это меня и остановило. Обида обидой, но поддерживать тебя в столь изощренном способе самоубийства – это чересчур.

– Не понимаю.

Я тоже, но надеюсь, меня просветят.

– Даже если отвлечься от самой леди, то женился бы ты не только на ней, но и на ее папаше...

Коту моя идея пришла по душе, и он присоединился. Мы уселись по разные стороны

стола, и я глядела на кота, а он – на тарелку с копченой рыбой.

– ...и жить тебе пришлось бы с ним. А это уже извращение.

– Урфин!

Рыба хороша. Огромная, с золотистой кожицей и мягкими плавниками, разрезанная пополам так, что видно розовое мясо. Оно лоснится от жира, и белые косточки выглядывают этаким узором.

– Леди Лоу – маленькая шлюшка, которая шагу не ступит без отцовского благословения! А нашему лорду-канцлеру до смерти охота получить монополию на соль. И на винокурни. И на изготовление спичек. И вообще на все! Он же вечно голоден. Мало, мало... я только и слышу, что ему мало!

– Поздравь меня, – шепнула я коту, который и ухом не повел. – Третий всадник нашелся.

– Допустим, я не слышал того, что ты сказал о леди...

– А ты послушай! Хоть раз в жизни выгляни из своей раковины и послушай! Твоя прекрасная леди переспала уже со всем двором, включая и меня.

Надо же, какие здесь страсти кипят. А выглядит прилично. О бедных заботится.

– И все бы ничего, если бы я расплатился за оказанную услугу... все платили. Лорд-казначей вдруг предоставил лорду-канцлеру бессрочный заем. А лорд-распорядитель стал закупать корма для твоих лошадей исключительно из Фарерских поместий. И не только корма. Масло. Свечной воск. Мед. Ткани... а лорд Талли в общем-то легко отделался, всего-то и продал небольшую дубовую рожицу лорду-казначею за символическую цену.

– И что же требовалось от тебя?

– Ты.

– Я?

– Ты так упорно игнорировал ее намеки. Вообще не замечал. А это обидно, особенно когда у людей на тебя планы. Я же могу на тебя влиять... так им кажется. И буду вознагражден, если усилия увенчаются успехом.

На этот раз молчание длилось дольше. Мы с котом ждали, и уже оба глядели на рыбу. Во-первых, обед был ну очень давно, во-вторых, в рыбе прекрасен был не только вид, но и запах. Хвойный дымок. Соль морская, которая проступала на черном плавнике. И, собственно, сама рыба.

– Я отказался. Как-то... не по вкусу мне жизнь на троих. И леди меня возненавидела. Полагаю, если бы ты в чем-то ей отказал, она бы возненавидела и тебя. Вот только ты бы не отказал. Меня это пугает. Я не хочу жить в протекторате, где все принадлежит Кормаку.

– Хорошо. Допустим, не она. – Кайя остерегся произносить имя. Интересно, это хороший признак или не очень?

– А кто?

– Ингрид?

– Сердце Ингрид занято.

– Кем?

– Леди Тианной. По-моему, бесчеловечно разлучать девушек.

А я-то думала, что они просто сдружились. Вот оно как в жизни бывает. Ничего, наша светлость будет толерантна. Главное ведь любовь, а уж к кому – тут как получится.

– Тогда Вистеры?

– Неразлучные близнецы, которые привыкли спать в одной постели, а по слухам, в этой постели находится место и для младшеньких... Хотя леди Вистер плодовита. Я точно знаю о

двоих очаровательных детишках. Говорят, их больше, но врать не буду. И, упреждая твой вопрос, леди Кассиба обладает весьма страстным темпераментом. Настолько страстным, что одного мужчины ей мало. В результате бедняжка вынуждена изводить ртуть литрами. Леди Жеванни нравится причинять боль. Я от нее сбежал...

Черт. И нашу эпоху называют эпохой разврата? Как-то у них здесь все сложно, хотя и прилично с виду.

– Кайя, они все одинаковы. Ты судишь по себе и видишь лишь одну сторону. Ты привык к символам. А они – к своей жизни. Им ведь глубоко плевать, что творится вокруг. Слишком долго сидели взаперти, как вино в бутылке. Только вино становится лучше, а эти... скисли. Твои лорды и леди – кучка сволочей, которые сходят с ума от безделья.

Кот положил на стол голову и подался вперед, сокращая расстояние между собой и рыбой.

– Не смей, – шепотом пригрозила я. – Иначе они поймут, что кто-то здесь был.

– И да, твоя жена родом из другого мира. Что это меняет? Она мила. И жизни в ней больше, чем во всех этих курицах вместе взятых.

Спасибо, Урфин, я тоже тебя люблю.

– Я хотел найти кого-то, кто не попытается с ходу воткнуть тебе нож в спину. У нее нет здесь родных. И друзей. И вообще никого, кто пришел бы на помощь. Ей здесь неуютно и страшно. И попробуй совсем не запугать бедняжку.

Ну... не такие уж мы и пугливые.

– Если ты отвернешься, ее просто сожрут.

А вот тут Урфин прав. Милая леди Лоу не простит мне своего унижения. И пусть она вовсю улыбается, но определенно нож наточен и мишень меж лопаток прилеплена.

Урфин мог бы и предупредить, гад ласковый.

– Если поможешь ей, то обретешь друга. Вот и все.

Смахнув набежавшую слезу – надеюсь, этот монолог произвел впечатление на моего дражайшего супруга, – я пропустила момент, когда кот открыл военные действия. Издав боевой клич, он прыгнул на рыбину, впился в нее когтями и кувыркнулся со стола. За ним кувыркнулся и стоявший на краю кубок, а следом и я в инстинктивном порыве рыбину отобрать.

Мне удалось вцепиться в склизкий хвост, а кот крепко держал голову.

– Отдай, – шепотом попросила я. – Будь человеком.

И потянула рыбу на себя.

Кот завыл, не выпуская головы из пасти, и всеми четырьмя лапами уперся в пол. Вот же гад! А тоже – другом прикидывался.

Несчастливая рыба затрещала и стала разваливаться на куски. А потом и вовсе разломилась.

– Леди, – раздался такой уже знакомый голос. – Что вы делаете?

– Вот, – я предьявила огрызок хвоста, – рыбку кушаю.

Господи, что я несую?

– Вкусно? – осведомился Кайя с неподдельнейшим интересом. В поле моего зрения были лишь сапоги из черной кожи, поношенные, запыленные, но весьма крепкие. Над сапогами начинались штаны, а дальше я не разглядела – Кайя заслонял свет.

– Очень, – искренне ответила я и облизала пальцы.

Вот и познакомились.

Глава 8

Если друг оказался вдруг...

Из тумана, как из форточки, выглянул филин, ухнул: «Угу! У-гу-гу-гу-гу-гу!» – и растворился в тумане. «Псих», – подумал Йожик, поднял сухую палку и, ощупывая ею туман, двинулся вперед.

Сказка о рыцаре Йожике, чье храброе сердце подсказало правильный путь в заколдованном лесу, записанная со слов леди Дохерти славным миннезингером Альбрехтом фон Йохансдорфом

Из-под стола мне пришлось выползти, я попыталась ползти с максимально независимым видом и гордо поднятой головой, но край стола внес свои коррективы.

– Леди, осторожнее, вы поранитесь. – Кайя определенно не знал, что ему делать.

– Уже. – Я потеряла лоб жирной ладонью.

Черт, черт, черт...

– Пожалуй, оставлю вас, – сказал Урфин, вежливо исчезая.

Еще один предатель! И, между прочим, он все заварил. А теперь, значит, сбежал. И вот как мне быть?

– Вы в порядке, леди?

В порядке? Да я в полной заднице! Так, Изольда, спокойно. Леди не ругаются и сохраняют невозмутимость в любой ситуации. В конечном счете и вправду, почему бы нашей светлости не откусать рыбки под столом? Мы эксцентричны, и вообще...

На этом месте остатки мыслей покинули мою гудящую после столкновения со столом голову. Кайя и вправду был велик. В смысле высок. И широк тоже. Макушка его почти касалась тележного колеса, заменявшего здесь люстру. Макушка эта была рыжей, и подозреваю, что проблема здесь не в освещении – два десятка лучших восковых свечей не без успеха заменяли одну электрическую лампочку. И заодно создавали иллюзию нимба над головой Кайя.

Рыжий. Взъерошенный. И татуировками расписан, как привокзальная стена – граффити. Черные узоры начинались от кончиков пальцев, ползли по ладоням и выше, скрывались в потрепанных рукавах рубахи, кстати не слишком чистой, и выныривали из ее же ворота. Они обвивали шею, выползали на щеки и лоб. Полагаю, в этой невыразимой красоте имелся высший смысл, мне недоступный. И чем дальше я глядела на татуировки, тем прочнее становилось ощущение, что они движутся.

– Леди, – мою задумчивость прервали, – вам дурно?

– Да в общем-то нет... Вы коврик постелить не думали? – Я потеряла замерзшей ступней правой ноги о голень левой. – И вообще прибраться... а то несолидно как-то.

Вот и о чем нам разговаривать?

Он явно подозревает, что слышала я больше, чем полагается. А я подозреваю, что по-прежнему не слишком ему нравлюсь. И не то чтобы это удивляло – в нынешнем обличье сама от себя шарахнулась бы, но все равно немного обидно.

По-другому я представляла нашу встречу. И его тоже.

– Вероятно, – осторожно начал Кайя, – вам следует присесть...

Я послушно забралась на стул и, очнувшись, выпустила рыбий хвост. Он шлепнулся на пол, став добычей рыжего предателя. На сей раз кот действовал бесшумно. Подозреваю, тот его вопль был издан нарочно. Никому нельзя верить. Даже котам.

– Вы голодны?

Я кивнула.

– И замерзли?

Снова кивнула, всерьез раздумывая над обмороком.

Кайя вышел, но вернулся раньше, чем я решила убежать. Он принес толстенную шкуру, судя по бурой клочковатой шерсти принадлежавшую медведю, и миску с рыбой, хлебом и вареной морковкой.

– Извините, но ничего, что бы подходило для леди, у меня нет.

Ну, шкура мне очень даже подходит, потому что теплая, мягкая, уютная, да и против рыбы я ничего не имею. А морковку не люблю ни в каком виде. Но отказываться невежливо.

Я ела. Он смотрел. Рассматривал, что было взаимно.

Если отрешиться от тагуировок, то Кайя вполне симпатичный. Лоб широкий и переносица тоже. Нос свернут чуть налево, не то последствия старой травмы, не то – длительного ношения шлема. Подбородок тяжеловат и вперед выдается, отчего выражение лица такое себе заострено-упрямое. Уши оттопыриваются. А глаза у него тоже рыжие. Не желтые, не карие, не красные даже, а именно рыжие. Как кошачья шерсть. Или огонь? Смотрит же так, что и подавиться недолго. Рыбы ему жалко, что ли?

– Я вам не нравлюсь? – Не люблю недомолвок, да и здешние игры в молчанку изрядно действуют на нервы. Лучше сразу все выяснить. И развестись, пока не поздно. Правда, Урфин утверждал, что развестись не выйдет, но далеко не факт, что ему можно верить.

– Простите, если чем-то вас обидел. – Кайя заложил руки за спину.

– Да я не обидчивая. И все понимаю. – Или хотя бы делаю вид, что понимаю. – Вас подставили, как и меня. Хотя нет, если разобраться, то я получила все, что хотела.

– Да и я. Не возражаете, если присяду?

Я не возражала, более того, сидящим Кайя был мне симпатичнее – не такой подавляюще огромный. И стол, нас разделивший, какая-никакая, но преграда. Нет, я несколько не боюсь Кайя, но... спокойнее, когда он на расстоянии держится.

– Урфин – мой друг, – сказал лорд тоном, не терпящим возражений. Я и не собиралась возражать. Друг так друг. – Не так давно между нами случилось... недопонимание. Во многом по моей вине.

– И вы решили помириться?

Кот, выбравшись из-под стола, заурчал, потянулся и прыжком взлетел ко мне на колени. Он потоптался, по кошачьей привычке выбирая место поудобнее. Рыжий хвост щекотнул мне ноздри, а лапа с выпущенными наполовину когтями зацепилась за пальцы.

– На, троглодит. – Я поделилась рыбой и почесала кота за ухом.

– Я решил, что если сделаю его доверенным лицом, то...

– Все будет как было.

– Точно.

– Рыбки хотите? – Я гостеприимно подвинула миску, хотя Кайя без труда мог до нее дотянуться. Если уж завязался разговор, то следовало его поддержать. – Урфин по-прежнему друг вам. И подозреваю, что он хотел как лучше.

– В этом вся проблема! – Кайя вскочил и принялся мерить комнату шагами. Для его шагов комната была маловата, и мы с котом следили за передвижениями лорда, несколько опасаясь, что он наткнется на стену. Вдруг да стена столкновения не выдержит?

И замок рухнет...

– Он всегда хочет сделать как лучше! Но никогда не удосуживается спросить! А в итоге получается, что я оказываюсь в очередном тупике.

Ну... тупиком нашу светлость еще не называли.

– Извините, леди.

– Изольда. – Похоже, пришло время представиться. – Можно – Иза.

Кот, положив голову мне на плечо, замурлыкал. Прежде за ним подобных нежностей не водилось, небось подлизывается. Звук рождался внутри тяжелого кошачьего тела и был успокаивающим, ласковым, как рокот моря.

– Тупик, если разобраться, не такой тупик. – Я пыталась вспомнить содержимое той на редкость занудной бумаги. – Любой договор, насколько знаю, можно разорвать по соглашению сторон. Или подписать новый, отменяющий действие старого. Я не буду возражать.

Вот что я опять несу? Все ведь замечательно. Крыша над головой, муж богатый... а еще и с титулом... расторгнуть договор? Вернуться домой? И забыть обо всем, в том числе о каменной бабочке, которую я храню. И о встрече с паладином. О мягком ягненке на руках, о фрейлинах, храме...

– Почему? – спросил Кайя.

И я нашла ответ, для него, да и для себя тоже:

– Хуже нет, чем жить с тем, кому ты отвратителен.

Кот заурчал и лизнул ухо шершавым языком. Утешает? Или пытается сказать, что я дура. Кайя же вспыхнул. Рыжие вообще легко краснеют, он же и вовсе пунцовым стал, особенно уши.

– Простите, если заставил вас так думать.

Теперь он говорил тихо, почти шепотом, отчего мне становилось страшно. И чтобы не дрожать, я обняла кота. С ним тоже будет жаль расставаться. Наверное, жальче, чем с драгоценностями, платьями и окаменевшим вианом.

– Леди... Изольда, – на моем имени Кайя запнулся, – поверьте, я ценю ваше благородство...

А мне-то казалось, что это просто дурость.

– ...и глубоко раскаиваюсь в тех неосторожных словах, которые нанесли вам обиду. Но вы ведь все слышали?

– Многое. Я не собираюсь никому ничего рассказывать, если вы об этом.

– Благодарю, но я о другом. Возможно, Урфин в чем-то прав...

В том, что я меньшее зло? Определенно. Даже если брать сугубо по килограммам.

– ...и хотя я категорически не одобряю его методы, но должен просить вас сохранить договор в силе. Если, конечно, я сам не вызываю у вас отвращения.

Какой неожиданный поворот. И кошачьи когти, впиваясь в плечо, предупреждают – лучше тебе, Изольда, согласиться. Хотя бы ради наглой рыжей морды, ну, той, которая мурлыкать перестала и дыхание затаила, ожидая ответа.

– Вы будете моей женой, леди Изольда?

Вот! И что мне оставалось ответить?

– Но вы же совсем меня не знаете! – Я попыталась воззвать к его разуму, если уж собственный отказал.

– Как и вы меня, – возразил Кайя.

И аргументы закончились. Нет, я могла бы рассказать, что леди из меня при всем моем старании не получится, а я даже не уверена, что буду стараться. Не по мне это их существование в каменной клетке замка и разграфленное приличиями бытие. Вышивки шелком. Глупые игры. Наряды. Это вдруг потеряло смысл. А что обрело? Не знаю. Только, глядя в рыжие глаза Кайя, я ответила:

– Тогда согласна.

Я протянула руку, желая скрепить этот, куда более честный договор рукопожатием, но Кайя понял по-своему. В огромной его ладони моя казалась крошечной, едва ли не детской. И черные змеи татуировки отползли, словно опасаясь моей слишком чистой кожи.

– Вы очень хрупки. – Кайя осторожно коснулся пальцев губами.

И я вспыхнула.

От макушки до пят. От чертовых пальцев, которые вдруг задрожали, до ослабевших колен. Я взрослая. Совершеннолетняя. И далеко не девица.

Я даже порно смотрела.

А тут вдруг... надо взять себя в руки, но вряд ли выйдет. Щеки небось полыхают, что знамя социализма. И сердце засбоило. Мысли же в голову и вовсе неприличные полезли.

Чтобы избавиться от них, я спросила:

– Они ведь живые, да? Рисунки?

Извивающаяся лента скользила по его запястью. И была холодной, а кожа Кайя горячей, куда более горячей, чем кожа нормального человека.

Он позволил мне поймать татуировку, и та недовольно ужалила пальцы холодом. Живая. И злая.

– Вам не больно?

– Нет. – Кайя не убирал руку, и я была благодарна ему за это.

А холод вдруг исчез. И тончайшие змеи устремились туда, где на его коже оставался след моего прикосновения.

– Мне сложно сделать больно, Иза.

Он так думает, потому что большой и сильный. Но я знаю, что и сильные люди способны испытывать боль. Татуировка меня признала. Она распадалась на созвездия чернильных пятен. И соединялась вновь, восстанавливая причудливый узор.

– Вас не отталкивает? – Кайя сел на пол, скрестив ноги. И теперь мы были почти на одном с ним уровне, только я чуть выше. Но не настолько, чтобы разорвать прикосновение.

– Нет. Странно, но... для чего она?

– Ночная мурана способна расти не только в камень. Это такое... растение? Животное? И то, и другое вместе?

– Я видела.

– Где?

– В храме. Там ее много. И она другая.

Кайя вздохнул и произнес:

– Урфин не дает себе труда думать о том, что творит. Леди не место в храме. Но там вы видели побеги, то, что снаружи. А внутри камня – корни.

И под кожей? Вот эти змеи – корни не то растения, не то животного? А Кайя еще

утверждает, что ему не больно?!

– Я несу лишь малую часть. Первое время это и вправду мучительно, но после того как мурана приживается... если приживается, то боль уходит.

– А если не приживается?

– Тогда смерть.

– И чего ради?

– Теперь меня очень сложно убить.

Поздравляю. Немного мучений, и плюс сто к броне.

– Мурана слышит меня, а я – ее. Она берет у людей силу и отдает мне.

И в итоге Кайя круче всех. Наверное, подковы взглядом гнет, а легким движением брови стены каменные ломает. Эх, мир вроде другой, а игрушки у мальчишек все те же.

– Чем они темнее, тем лучше.

Симбиоз. Хорошее слово. Ты – мне, я – тебе, и все в сумме счастливы или хотя бы живы. Вопрос лишь в том, чем Кайя платит за обретенную суперсилу. Счастливым он не выглядит, скорее уж безмерно уставшим.

Ох, Изольда, ты дура. Кайя выглядит уставшим, потому что устал. Небось не первым классом добирался и даже не третьим, всю задницу об седло отбил. Ему охота не разговоры душевные разговаривать, а спать лечь. Только воспитание не позволяет от тебя избавиться.

От меня то есть.

– Наверное, поздно уже, – осторожно заметила я.

Под кожей Кайя звучало эхо двойного пульса, но меня это больше не пугало, как и то, что черные ленты поползли вслед за моими пальцами, точно не желая расставаться. Я и сама не желала. Выбираться из теплого кокона медвежьей шкуры, касаться почти босой ногой – чулок не в счет – холодного пола, сталкивать с колен осоловелого кота...

Я бы осталась в этой комнате и в этом кресле. Но вряд ли леди поступают подобным образом.

– Где ваши туфли? – Кайя, не выпуская моей руки, поднялся. Ну вот, моя макушка ему и до подбородка не достает.

– Туфли? Где-то там... на лестнице. Здесь недалеко.

– Нельзя ходить босиком. Можно поранить ногу. Или простудиться.

Ворчит он беззлобно, скорее уж забавно. Никого, кроме мамы и бабушки, не заботило, что я могу простудиться. А я, глупая, от заботы их отбивалась.

Теперь еще и туфли потеряла.

Но Кайя решил проблему по-своему – он просто поднял меня на руки.

– Леди, от вас рыбой пахнет.

– А от вас... от вас... дымом.

Тем самым, осенним, который уходит в небо из куч прелой листвы, и еще соленым морским берегом. И крепким конским потом, но запах не неприятен.

Хлебом. Терпким крымским вином.

Выжженной степью. Пылью. Старыми книгами.

Чем-то кроме, что я не могу уловить.

Мы спускаемся по лестнице, и я, считая ступеньки, думаю обо всех этих запахах, и о том, что под кожей Кайя живет растение, которое немного здесь и немного в храме, и о том, что глаза у него рыжие, не у растения, конечно. Мыслей так много, что я зеваю, уткнувшись носом в плечо.

В моей комнате пусто, и камин почти погас. Сквозь приоткрытое окно тянет холодом. Огонь прячется от воздуха в черном жерле, и лишь старое полено отливает рубиновым цветом. Оно вот-вот рассыплется на угли, а те быстро погаснут.

И к утру я немного замерзну.

Кровать слишком велика для одного человека, но теперь я понимаю, под кого ее делали.

– Спокойной ночи, Изольда. – Кайя поклонился.

– Спокойной ночи... Кайя.

Я впервые произнесла его имя вслух. Странное оно, совсем не мужское, но... мне кажется, что ему подходит. Дверь закрывается, и я подбегаю к ней, стою, прислушиваясь к шагам снаружи.

Там очень тихо.

– Не глупи, Изольда. – Я говорю с собой так строго, как могу. – Нет ничего более неблагоразумного, чем влюбляться в собственного мужа.

В комнате полно теней. А Гленна куда-то исчезла. И девчонки-служанки, что прежде дремали у кровати на вечном посту во благо нашей светлости.

Пускай. Я рада. Мне очень надо побыть одной.

– Ты его знаешь всего полчаса! Ну час от силы!

Глава 9

Переменные жизни

Все хотят добра. Не отдавай его.

Наставление старого ростовщика юному, но, безусловно, талантливому племяннику

Кайя Дохерти с детства усвоил, что женщины – существа хрупкие, беспомощные и требующие крайне бережного с собой обращения, особенно если они – леди. По этой причине Кайя, не будучи уверен, что сумеет быть достаточно бережным, дабы не травмировать столь воздушных созданий, предпочитал держаться от леди подальше.

Случайные встречи, избежать коих было вовсе не возможно, приводили к конфузам. Некоторые дамы, стоило обратиться к ним с самым мирным вопросом, лишались чувств, другие же бледнели до того, что Кайя начинал испытывать опасение за их здоровье, а третьи и вовсе, не отвечая, лишь смотрели. И были в их взгляде такие тоска да безысходность, что у Кайя возникало лишь одно желание – удалиться, чтобы жизнь несчастных обрела хоть какие-то краски.

Дамы вели куртуазные беседы на языке вееров, которого Кайя не понимал, и повсюду таскали крохотных собачек. Те истошно лаяли, норовили укусить либо же молча писались, что тоже не способствовало возникновению взаимопонимания. А однажды и вовсе случилась неприятная история, когда нечто мелкое, серое и очень злое метнулось под ноги, но было встречено пинком. Собачка выжила, а вот леди слегла с нервической лихорадкой. Кайя искренне пытался объяснить, что пинок вышел непроизвольным – в лагере всегда множество крыс, едва ли не больше, чем самого войска, а крысы эти весьма наглы и порой бросаются на людей, но его извинения услышаны не были.

Зато собачек в замке поубавилось. А веера заработали вдвое быстрее.

Необходимость жениться, с каждым годом все более острая, ввергала Кайя в состояние, весьма близкое к панике.

И вот у него появилась жена. Вот только не та жена, на которую он рассчитывал: письмо лорда-канцлера было сухо, подробно и правдиво.

Его жена, новая леди Дохерти – девица неподобающего вида неизвестного происхождения, однако явно не имеющая ни капли благородной крови? Вздорная? С грубыми манерами?

Подобную особу можно представить в роли хозяйки таверны, но никак не протектората.

Над ней смеются. Кайя сочувствуют, уповая на скорейшее решение проблемы.

От Урфина только и ждать что новых проблем.

За что, Ушедший бог?

Кайя трижды перечитал письмо, а заучив почти наизусть, швырнул в костер.

Злость – хороший кнут. И Чаячье крыло, державшееся бодро за стеною скал, раскрыло-таки ворота. Замолчали пушки, обессилев без пороха, и псы войны получили законные три дня свободы. Им было что взять в подвалах мятежного замка.

Кайя же не мог думать о деле. Он уговаривал себя, что найдет способ отправить девицу домой, где бы этот дом ни находился, в крайнем же случае купит новый, где-нибудь на

побережье. А сам сделает то, что следовало сделать давно, – женится на леди Лоу.

Она хотя бы без собачки, веера и разговаривать способна.

На переправе Кайя все-таки не выдержал. Уж больно медленно двигалась махина армии, обремененная орудиями, ранеными и обозами. Некогда стройное войско растянулось змеей от самого Чаячьего крыла до полноводной Виташи. И Кайя сделал то, чего никогда не делал, – передал командование. Тан Кавдорский был надежным человеком, но... беспокойство не отпускало. А по мере приближения к замку прибавлялось и злости. И, увидев Урфина с двумя девицами, одна из которых – Кайя понял это сразу и вдруг – и являлась новой леди Дохерти, Кайя не сдержался.

Раньше он не позволял себе кричать на людей. А тут не сдержался, в глубине души надеясь, что девица упадет в обморок. Она же носик сморщила так презрительно и явно собиралась ответить.

Никто никогда не смел возражать Кайя Дохерти, когда тот гневался.

Его жена такая, как описал лорд-канцлер. И совсем другая.

Маленькая. Взъерошенная. И отчаянно храбрая.

Она прокралась в комнату, подслушивала и призналась в этом, ничуть не смутившись. Она сидела в его кресле, кутаясь в меховое одеяло, и не жаловалась, что оно пахнет пылью. Ела рыбу руками, жмурилась от удовольствия и облизывала пальцы, не забывая делиться с котом. И разговаривала она, глядя в глаза. Это тоже было странно. Как само предложение расторгнуть договор лишь потому, что она ему неприятна. Когда и кто об этом думал? Или о том, что ему может быть больно?

Нелепая мысль, если разобраться.

– И что нам с нею делать? – спросил Кайя кота, вернувшись к себе.

Кот зевнул и повернулся к двери, предупреждая, что поздние гости не иссякли. И в дверь постучали, а потом, не дожидаясь ответа, распахнули.

– Мир? – предложил Урфин, протягивая увесистый кувшин с запечатанным горлом.

– Мир.

Сейчас Кайя Дохерти, лорд-протектор, был настроен более чем миролюбиво.

– В таком случае, – Урфин поднял второй кувшин, – предлагаю напиток.

План был исполнен в точности.

Спала я крепко, сны видела яркие, интересные и, проснувшись, некоторое время считала звездочки на пологие кровати, пытаюсь составить из них знакомую Большую Медведицу.

Или медведя.

Вокруг было тихо. И как-то прохладно, если не сказать больше. Огонь в камине догорел, но новый развести не удосужились. Ни Гленны, ни дежурной фрейлины, ни даже служанки.

Ау, люди, вы где?

Определенно, где-то помимо покоев нашей светлости, в которых царил просто неприличный покой. Открыв окно, я выглянула и убедилась, что нахожусь в том же мире и на том же месте, в котором отправлялась ко сну. Знакомо синело море, и небо отливало свинцом, предупреждая о скорой грозе. Порывистый ветер поднимал волны, и корабли торопились к берегу, спеша укрыться в бухте.

Похоже, обо мне просто забыли.

Немного обидно, но справимся. В конце концов, наша светлость на диво

самостоятельна, она со времен детского сада умыться и шнурки завязывать умеет.

– Надо, надо умыться по утрам и вечерам, – пропела я, открывая воду. – А нечистым трубочистам...

Вода пошла едва теплая, и настроение, до того замечательное, начало портиться.

– ...стыд и срам. – Я все-таки рискнула искупаться и даже плеснула в воду лавандового масла, не столько ради аромата, сколько из желания хоть как-то скрасить этот почти экстремальный заплыв.

А между прочим, наша светлость – создание хрупкое, к простудам склонное.

Волосы укладывать тоже пришлось самой, хотя данному обстоятельству я скорее была рада. Да и волосы тоже. Распушились, завились такими кучеряшечками.

Ангелочек просто!

Ну, если не слишком приглядываться.

– Эй! – Когда дело дошло до одевания, я все-таки выглянула из комнаты, уже понимая, что никого не найду. Но попытаться стоило.

Тишина. И тот же погасший камин.

Корзина с фруктами – судя по потемневшему боку яблока, вчерашними. И пыль на туалетном столике. Ну хотя бы платья не сбежали: безголовое войско ряженых манекенов ожидало моего выбора. Черт, а ведь есть предел человеческим возможностям. Я в жизни не зашнурую на себе корсет!

И кринолин вряд ли сумею присобачить.

Ну и леший с ними.

Я прошлась, разглядывая платья и без сожаления отказываясь от очередного. Синее... желтое... зеленое... серебристое... одинаковые до тошноты. А вот это что-то новенькое. Интересненькое. Платье пряталось в самом дальнем, самом темном углу гардеробной и даже успело слегка запылиться. Пыль я стряхнула и с добычей вернулась в гостиную, не к людям, так хотя бы к яблокам. Желудок настойчиво подсказывал, что время завтрака пришло, прошло и забыто, но близится время обеда, за которым нашей светлости не мешало бы пополнить запасы энергии в хрупком ее организме.

Честно говоря, я начала сомневаться, что обед получится добыть. А яблоки – неплохая альтернатива. Будем считать, что у меня разгрузочный день.

– «В бою не сдается наш гордый «Варяг»! – сказала я себе и еще платье, которое лежало на кресле.

Оно отличалось от прочих нарядов, тяжелых и вычурных, прекрасных, как старинные статуи в заброшенном парке. О, это было совершенно чудесное платье. Легчайшая ткань темно-багряного оттенка. Завышенная талия и свободная юбка, которая ниспадала мягкими складками. Узкие рукава и квадратный, довольно-таки смелый вырез.

У меня даже грудь появилась.

Как-то слишком уж появилась.

Но к платью прилагалась шаль, расшитая бабочками. И атласные туфельки. Еще бы носки шерстяные, совсем чудесно было бы. Но, глянув в зеркало, я убедилась, что прелесть как хороша. И вряд ли бы испортила свой неземной образ шерстяными носками.

В любом случае настало время выяснить, какая же такая чума отпугнула всех моих добрых – и не слишком добрых – подданных. Ну должно же быть сему объяснение!

Но яблочко я благоразумно прихватила. Мало ли...

Утро... утро было раньше.

Оно пришло, громыхая сапогами лорда-канцлера, и что-то долго, занудно вещало. Голос был скрипуч и болью отдавался в висках.

Но Кайя делал вид, что слушает.

Он был хорошо воспитан и надеялся, что воспитания хватит. Было бы неудобно блевать в присутствии столь уважаемого человека. А хотелось. Крылья парика раскачивались. Вправо. Влево. Вправо. Влево. Влево... как волны за бортом.

Морская болезнь, которой Кайя прежде не страдал, проявила себя во всей красе, и Кайя подумал, что вчера действительно не следовало пить... столько пить.

Сколько?

Память отказалась выдавать конкретную цифру, может, оно и к лучшему.

Лорд-канцлер шевелил пальцами, и суставы его похрустывали премерзейше. И сюртук был яркий, желтого цвета. Нарядный. Только глаза жег.

– Позже, – сказал Кайя, когда все-таки решился разлепить губы.

– Что «позже»? – вполне внятно поинтересовался мормэр Кормак, похрустывая пальцами. Каждый звук вызывал приступ острейшей головной боли.

– Все позже.

К счастью, Кайя оставили в покое. И кровать приняла его как родного. Спрятав гудящую голову под подушку, лорд-протектор крепко зажмурился. Его утешало лишь то, что Урфину сейчас не легче.

За пределами моих покоев бурлила жизнь. Слуги носились всполошенными тараканами, но меня упорно не замечали, и когда я встала на пути девицы с подносом, та лишь обогнула меня, как огибают некое незначительное препятствие.

Да что происходит?

– Эй! Вы...

Я попыталась остановить лакея, который торжественно вышагивал по красной дорожке. В руках его был кувшин с узким журавлиным горлышком. Лакей, прежде готовый служить нашей светлости, не удостоил меня взглядом, лишь бровью брезгливо повел.

Ну ладно, не больно-то хотелось. Здраво рассудила, что если еду куда-то тащат, то определенно туда, где намечается обед. Правда, нашу светлость не приглашали, но мы не гордые, мы и без приглашения хозяев обрадуем.

Зал... поворот... и еще поворот. И дверь, захлопнувшаяся перед самым моим носом. Я осталась посреди коридора, который крайне несвоевременно распадался на три потока. Прямо сказка: направо пойдешь, налево... куда-нибудь идти надо. А указатели в этом обжитом музее не помешали бы. И я решительно свернула направо.

Дверь.

Приоткрыта. И за ней – длинная унылая комната, стены которой плотно завешаны портретами. Слева – суровые рыцари, все как один – на конях или хотя бы с конями. Справа – белолицие дамы, взирающие на рыцарей с чисто женской снисходительностью.

Рыцари были брутальны. Кони прекрасны. Дамы – как повезет. Что меня, пожалуй, удивило, так это наряды. Складывалось ощущение, что рисовали их под копирку, а после разукрашивали в разные цвета. Но быть того не может, чтобы мода оставалась неизменной на протяжении столь долгого времени!

Два десятка колонн поддерживали потолок комнаты, изрядно, к слову, закопченный.

Меж колоннами стояли доспехи, один другого мрачнее.

Оружие здесь тоже имелось. Ножи маленькие, ножи большие и очень большие, уже не ножи – мечи. С клинками прямыми, изогнутыми, даже извивающимися. Массивные дубины, перетянутые полосами железа, и перекрещенные, слившиеся в поцелуе топоры на длинных древках.

Как-то среди всего этого добра мне стало неуютно.

Ладно, есть еще как минимум два варианта. Я вернулась к развилке. Хорошее настроение выветривалось, как поддельные духи. Прямо... прямо у нас дверь. А за дверью комната или, скорее, зал необъятных размеров. Потолки высокие. Колонны, на сей раз белые. Пол тоже белый, с нежно-розовым отливом и характерными мраморными прожилками. Окна во всю стену.

Свет наполнял эту комнату, давая жизнь обильной зелени. Растения в каменных кадках тянули друг к другу ветви, и разноцветный плющ висел, что новогодняя гирлянда. Покачивались тяжелые цветы на стрелах цветоносов, мешались друг с другом ароматы. В изящных серебряных клетках, которые свисали на длинных цепях, словно причудливые украшения, порхали канарейки.

Где-то за зеленым пологом весело журчал фонтан.

И голоса.

– Тисса, милая, подай красную ленту. Нет же, дурочка, не алую, а именно красную. Ты не различаешь алый и красный? – Медовый голос леди Лоу гармонично дополнял пение ошалевшего кенара. – Я понимаю, что прежде служба казалась тебе легкой, но со мной все будет иначе.

Вот теперь я действительно не желала подслушивать и ушла бы, когда б сумела сдвинуться с места. Но ноги мои приросли к полу, а рука застыла в миллиметре от пурпурного бутона розы.

– ...спасибо, Тисса.

– Не кажется ли вам, ваша светлость, что вы несколько торопите события?

Голос Ингрид был равнодушен.

«Ваша светлость»?

Она дочь мормэра, а к мормэрам обращаются именно так – «ваша светлость»... не здесь.

Здесь так обращаются только к членам семейства Дохерти.

– Тороплю? О нет, милая Ингрид. Я слишком долго медлила. Но сегодня утром отец имел беседу с лордом-протектором, и тот пообещал, что...

Все-таки я сумела сделать шаг, который дался мне нечеловеческим усилием. Я тоже имела беседу с их растреклятым лордом-протектором. Но выходит, что та беседа ничего не значила?

Не спеши, Изольда. Убить всегда успеешь.

Леди Лоу сидела у фонтана на высоком стуле с резной спинкой. Платье ее было роскошно настолько, насколько вообще может быть роскошным наряд. Ткань отливала золотом, а россыпи драгоценных камней ослепляли, и сама леди казалась одним большим драгоценным камнем. Кружевной воротник веером раскрывался над узкими ее плечами, а голову украшал самый удивительный из виденных мною париков. Лиловый... синий... розовый... цвета переплетались друг с другом. Причудливый змеиный клубок. Из клубка вырастали тончайшие спицы, на которых раскрывались золотые цветы. При малейшем

движении цветы покачивались и выглядели вполне живыми.

– ...уже к вечеру это недостойное создание уберут из замка.

У ног леди Лоу сидела бледная золотоволосая девушка в серебряном платье. И серебряный ошейник хорошо с ним сочетался. Лицо девушки было неподвижно, а взгляд устремлен на хозяйку.

Словно собака, которая ждет приказа.

Детские черты и выражение абсолютного счастья. Это пугало.

– Осталось решить кое-какие формальности. Но они не отнимут много времени.

Алая лента обвивала тонкие пальцы леди. Как будто кровью измазали.

Формальности? Пообещал? Недостойное создание?

О нет, Изольда, не везет тебе с кавалерами... любовь с первого взгляда, значит? Освещение подвело, когда глядела.

Но плакать я не стану, и прическу этой Мальвине недоделанной портить тоже не стану. Уйду тихонько, как будто меня и не было.

Уберут? Черта с два! Я не сковородка, чтобы меня в ящик убирать. Я сама уйду.

Наша бывшая светлость гордая. Только невезучая какая-то.

Глава 10

Все леди делают это

– Что это за странную фигуру вы мне показываете? – поинтересовался лорд у леди.

– Это я вам фигу показываю, – пояснила леди. – Просто я при этом еще и манерно отставляю мизинчик.

«Басни о пчелах, или Занимательные истории о леди Дохерти», миннезингер Альбрехт фон Йохансдорф

Я шла-шла куда глаза глядят... они глядели в основном прямо, но периодически путь преграждали стены. Сквозь стены я пока ходить не умела, поэтому поворачивала.

Вправо. Влево. И снова прямо.

У статуи с дамой, чье лицо растрескалось и частями осыпалось, я присела на лавочку и сгрызла яблоко, раздумывая над тем, не пора ли вернуться. Но решила, что не пора. Пусть поищут, хотя бы минут пятнадцать... двадцать... лучше бы тридцать. Тем более что чувство направления, никогда толком не работавшее, окончательно отказало.

Замок менялся. Коридоры становились уже, темнее. Окна – меньше и выше. Стены – мрачней, а слой плесени на них – толще и толще. Потом замок взял и закончился. Толкнув очередную дверь – массивную, разбухшую от влаги, – я оказалась во дворе, но не в том, где были мы с Урфином... кстати, и он пропал, предатель несчастный.

Притащил в другой мир и бросил.

Я даже всхлипнула от тоски, но реветь в одиночестве непродуктивно, да и опухшие от слез глаза повредят моей небесной красоте и несколько подпортят сцену прощания, которая – я не сомневалась – случится в ближайшем будущем. Меня поставят пред всеми, и эта рыжая лживая сволочь велит убираться, думая, что я стану плакать.

Да черта с два!

Я буду горда, немногословна и...

Додумать не получилось. Я вдруг очутилась в круговороте людей. Что-то дымило, громыхало, кричало, визжало, падало рядом, поднимая тучи пыли. С телеги сгружали сено, ловко подхватывая трехрогими вилами, осыпая меня водопадами трухи. Лошади тянули морды, норовя ухватить кусок посвежей.

– Поберегись...

Я вынырнула из-под сенопада, чтобы разминуться с повозкой.

– Смотри, куда прешь, коза...

Я не коза!

Телегу волокла пара быков с длиннющими рогами. Меня они проводили задумчивым взглядом, который заставил вспомнить, что быки не слишком-то красное любят, а тореадор из меня вряд ли получится.

– Не зевай!

Орали со всех сторон и сразу. Носились мальчишки с ведрами, расплескивая воду на камень. И грязные ручьи устремлялись к стенам замка. Воняло навозом, человеческим потом, дымом и железом. Лаяли собаки.

Откуда столько людей? И почему они снаружи?

Расставляют палатки, меченные разноцветными колышками, раскладывают костры.

– Эй, красавица, куда гуляешь? – Передо мной возник высокий парень.

– Никуда, – честно ответила я, подумав, что вот это знакомство точно не предел моих мечтаний.

Парень не спешил убраться с дороги, но разглядывал меня с просто-таки профессиональным интересом. Сам он был темноволос и смугл. Зеленый кафтан его пестрел заплатами, а вот плащ был почти новый, как и щегольской берет с длинным пером.

– Дорого берешь? – Он вытащил монетку и подкинул в воздухе. – Или как?

– Или как.

Я попятилась, но оказалось, что путь мой преградил другой незнакомец, массивный, но какой-то весь мягкий с виду, словно из теста вылепленный. Его блеклое лицо пестрело оспинами, а на лысой голове виднелся шрам, уродливым швом скреплявший обе ее половины.

– Не спеши, красавица. – Темный схватил меня за руку. – Еще не познакомились, а ты уже бросаешь. Нехорошо. Меня вот Сигом звать. А это Так. Ты у нас кто? Я думал, ваши поотстали на переправе. Ан нет... Повезло!

Сомневаюсь.

– Я... – Глубоко вдохнув, я постаралась успокоиться. Кричать бесполезно – не услышат. А если услышат, то... что? Кому какое дело до меня? – Я – леди Изольда.

– Леди, значит. – Руку мою отпустили. – Слышь, Так, она у нас леди.

Великан кивнул и поскреб шрам. Пальцев у него на руке было четыре.

– И что же леди делает в таком месте?

– Мы... мы заблудились.

– Печально как.

– Ага... – Я ковырнула соломенный ком.

Туфельки мои не предназначались для подобных прогулок. Да и перехотелось мне гулять. Погода нычне не та... ветрено очень.

Пауза становилась неприличной. Меня ощупывали взглядом с ног до головы, с головы до ног и снова, примеряясь, сколько правды в моих словах.

Они не посмеют тронуть леди.

Наверное.

– Леди не выходят из замка, деточка, – медленно произнес великан, голос у него был рокочущий, как морской прибой. – Леди носят парики и вот такие платья.

Он растопырил руки, демонстрируя размах кринолина.

– И цацки, – подтвердил Сиг.

А я без колец... только то, с сапфиром, и осталось, перевернутое камнем внутрь. Показать? А если не поверят? Или поверят и снимут вместе с пальцем. И что теперь? Меня изнасилуют, а потом убьют к вящей радости леди Лоу?

Или просто изнасилуют?

Или просто убьют?

Какие-то однообразно неприятные варианты.

– Нехорошо лгать, – мягко и как-то очень страшно произнес Сиг.

– Я не лгу! Я...

Он прижал палец к губам, показывая, что лучше бы мне помолчать. И я запнулась.

Я глядела в черные глаза Сига, не в силах шелохнуться. А надо бежать!

Поздно бежать. На этот раз – поздно.

И финал, пусть predetermined не мной, справедлив. Я же знала, что когда-нибудь придется ответить за все. Время пришло, Изольда.

– Да не дрожи, не обидим, – пообещали мне, касаясь щеки холодной ладонью. – Мы немного поиграем и отпустим. Заплатим, чтоб ты не думала... у нас есть деньги...

И я сделала единственное, что могла, – зажмурилась.

Кайя понял, что вставать придется, когда солнечный свет пробрался-таки под подушку. Тошнота отступила. И головная боль поутихла. Если не делать необдуманно резких движений, то все обойдется.

Одевался Кайя медленно, сражаясь с каждой отдельно взятой пуговицей, которые в честь нынешнего утра все вдруг решили проявить характер. Мелкие, перламутровые, они издевательски выскальзывали из пальцев и никак не желали пролезать в тугие петли.

Но Кайя справился. Он был дотошным человеком.

Дверь прикрывал аккуратно. И под ноги смотрел внимательно, боясь оступиться. Не то чтобы падение с лестницы повредило бы ему, скорее уж оно способствовало бы возвращению похмелья, к чему Кайя был морально не готов. Проклиная вино, Урфина и верноподданных, которые никак не могли обождать до завтрашнего дня, Кайя покинул комнату, давно служившую убежищем.

Заверещал герольд. Било нанесло удар по бронзовому кругу, и от звука этого потемнело в глазах. Он разнесся по замку, возвещая всем, что лорд-протектор идет.

Бредет. Качается и давит вздохи.

Тотчас слева возник лорд-канцлер, а справа – лорд-казначей. Заговорили они одновременно, как-то очень уж громко, и Кайя взмолился:

– Потихе!

Жаловались, что было естественно. На Урфина, что тоже было естественно. Просили о чем-то, и это снова было естественно. Кайя кивал – крайне медленно, осторожно, надеясь, что когда-нибудь сообразит, о чем идет речь. Его не оставляло ощущение, что он упустил из виду что-то очень важное.

– Вы должны предпринять меры! – Лорды воскликнули одновременно и с ненавистью воззрились друг на друга.

– Предприму, – пообещал Кайя, пытаясь вспомнить, что же он упустил.

– Стоять! – По руке Сига ударила палка. – Сиг убрать рука!

Держало палку странное существо. Невысокое, худое до изможденности, закутанное в разноцветные лохмотья, оно лишь отдаленно напоминало человека. Черную кожу его покрывали многочисленные шрамы, которые складывались в узор и смотрелись столь же гармонично, как и короткие косицы. В них были вплетены обрывки лент, птичьи перышки и куски стекла. Нижнюю губу украшала тройка широких колец, а сквозь ухо продет был обломок ребра, судя по размеру – кошачьего.

– Не лезь, Лаша, – пригрозил Сиг, впрочем, не особо уверенно. – Или ты ревнуешь?

– Лаашья! Сиг звать Лаашья! Сиг убрать рука. Леди не бояться Сиг. Леди не бояться Так. Сиг и Так неумные.

Я охотно согласилась с панкующей девицей – все-таки это была девица.

Сердце грохотало, как взбесившийся бронепоезд.

– Сиг и Так не видеть. Платье. Агтайский шерсть. Мягкий шерсть. Легкий шерсть. Стоит золото. Много золото! – Лаашья растопырила пальцы, впрочем не выпустив гладкую палку желтоватого костяного цвета. – И платок. Саккарам. Саккарам далеко. Три по три плыть. Один город платок делать. Один платок – один зеленый камень. Дорогой.

Изумруд, что ли? По глазам Сига я поняла, что теперь меня могли и ограбить. Перспектив в жизни прибавлялось, но они по-прежнему были упорно пессимистичны.

– Ты ошибаешься, душенька. – Сиг потер руку, на которой проступала красная отметина от удара палкой.

– Лаашья знать. Лаашья иметь корабль. И грабить. Купец слабый. Ехать за платок. Лаашья и сестры ждать у камень. Нападать и все резать. Лаашья иметь много платок! – Она вздохнула огорченно и добавила: – Давно. Лаашья поймать. Сестра злой. Хотеть сам корабль иметь. Отдать Лаашья белый люди. Они думать вешать.

Я мысленно сказала спасибо тому, кто ее помиловал.

Возможно, все еще наладится. Настька подождет... она ведь давно ждет. Что ей пару дней... месяцев... лет? Мы ведь все равно встретимся, но позже.

Если повезет.

Я расскажу смешную историю о собственной глупости, а она не задаст тот самый вопрос, которого я боюсь.

– Леди носят другие платья, – пробасил Так, качнувшись.

А он вдвое, если не втрое крупнее моей защитницы. Надо бы бежать, но куда? Я сомневалась, что сумею найти ту дверь, через которую попала во двор. И уж тем более, что добегу до нее.

– Так платить голова, если обидеть леди! Лаашья должна Так два жизнь! Так не трогать леди. Так жить. Лаашья должна Так один жизнь.

Спорить они могли долго. Мы с Сигом переглянулись – прежней наглости в нем поубавилось, – и он сказал:

– Идем к Сержанту. Пусть решает.

Никуда идти мне не хотелось, но, похоже, особого выбора не было. Слева меня конвоировал Так, справа – Сиг. А впереди, не то показывая дорогу, не то перекрывая и этот путь к побегу, шествовала Лаашья.

Надеюсь, идти недалеко. И моего везения хватит, чтобы выжить.

Играла музыка, как-то на редкость мерзко. Особенно скрипки. Кайя смотрел на то, как порхают смычки в руках музыкантов, и ему казалось, что скользят они не по струнам, но по натянутым до предела нервам.

День тянулся.

Прием и того хуже.

Не то чтобы дел набралось больше обычного, скорее уж каждый, кому случилось оказаться в замке, счел необходимым засвидетельствовать свое глубочайшее почтение лорду-протектору. И старый клещ Кормак следил, чтобы почтение было надлежащей степени глубины.

В состоянии похмелья весь этот фарс переносился особенно тяжело.

– ...и славный тан Кавдора, графство Морэй, желает... вашей светлости... чтобы... и верный рыцарь...

Герольд бубнил имя за именем с прежним утомительно бодрым видом. Кайя кивал, что-то отвечал, благодарил и улыбался. Он очень старался выглядеть дружелюбно, но подозревал, что получается плохо.

– ...маркиз Броуди...

Маркиз – тучный пожилой человек – долго кланялся, лепетал что-то высокопарное, то и дело поглядывая на лорда-канцлера.

– Маркиз страстно желает представить вашей светлости свой проект, – пояснил мормэр Кормак. Как у него получается говорить вроде бы и на ухо, но при этом не сходя с места и вообще не изменяя позы? – И я имел смелость уверить маркиза, что вы примете и выслушаете его.

Кайя кивнул. Примет. Выслушает. Он привык принимать и слушать. Скрипки пошли на новый круг и ударили разом, резко, до того болезненно, что Кайя закрыл глаза.

Вернуться. В постель. Лечь.

Выспаться.

Простые желанья. И какого он, обладая высшей властью, не способен исполнить их?

– Прием окончен! – рявкнул герольд, ударяя треклятой тростью по полу.

Надо будет приказать, чтобы трость подбили войлоком. И пол тоже... Или пол неудобно? Войлок не блестит, но ходить по нему станут тихо-тихо...

Зал опустел. И скрипки смолкли, но тишина не принесла облегчения, напротив, теперь Кайя определенно понял, что где-то допустил непростительную ошибку. Еще немного, и он сообразит где.

– Ваша светлость, – лорд-канцлер не позволил ухватить мысль, – надеюсь, у вас будут силы принять еще одного посетителя, который мечтал о том, чтобы увидеть вас.

Он не стал ждать ответа, но бросился к одной из тех дверей, которых в любом замке великое множество, – неприметных, скрытых в ложных нишах и в тенях арок, упрятанных за шелками гобеленов и ненастоящих стен. Их петли никогда не скрипят, а сквозняки не смеют выдавать их присутствие.

Эти двери удобны, если желаешь оставаться незамеченным.

– Ваша светлость. – Мягкий голос со вкусом меда. – Я бесконечно рада видеть вас вновь.

Леди Лоу плыла над полом под нежный звон серебряных колокольчиков, нашитых на юбку.

– Мне нестерпимо тяжело было разлучаться с вами на столь долгий срок, однако теперь я смею надеяться, что...

Само совершенство, отлитое в золоте. Платье мерцает, кожа бледна. Черты лица идеальны, и сложная изысканная прическа лишь подчеркивает неземную хрупкость этого создания.

Но сколько в этом правды?

Урфин не стал бы врать. Или стал бы?

– Это мой вам скромный дар. – Леди Лоу присела в реверансе и протянула шелковый сверток. – Думая о вас, я вышивала это полотно...

Белый паладин на синем щите, перечеркнутом алой лентой.

Герб Дохерти.

– ...уверяя себя, что в тот день, когда сделаю последний стежок, удостоюсь счастья увидеть вас.

Шелк был прохладен. Вышивка идеальна, как и женщина, ее создавшая, но...

– Благодарю вас, леди Лоу.

Она протянула руку для поцелуя, и Кайя, коснувшись холодной, как шелк, кожи, вдруг вспомнил.

Передав вышивку лорду-канцлеру, который всегда сам распоряжался подобного рода случайными дарами, он спросил:

– Скажите, мормэр Кормак, а где моя жена?

Глава 11

О любви к животным и мужьям

«Я в реке, пускай река сама несет меня», – решил Йожик, как мог, глубоко вздохнул, и его понесло вниз по течению.

Сказка о рыцаре Йожике, чье храброе сердце подсказало правильный путь в заколдованном лесу, записанная со слов леди Дохерти славным миннезингером Альбрехтом фон Йохансдорфом

Идти пришлось не то чтобы далеко, скорее уж путь был запутан. Сначала мы прошли мимо телеги, на которой возвышалась странного вида штуковина – этакая большая, очень большая ложка на деревянных подпорках, обвязанная кучей веревок. Выглядела она на редкость воинственно для ложки. Сиг охотно пояснил, что штуковина называется «онагр» и предназначена для швыряния камней. Потом он показал мне маргонель. И баллисту, и даже таран – могучий ствол, украшенный бараньей головой.

– Этим тараном лорд Дохерти высадил ворота Дингвалла!

Очаровательное хобби. Кто крестиком вышивает, кто ворота штурмом берет. Я рада, что его светлости есть чем заняться на досуге.

Нервное веселье, на грани истерики, клокотало в крови. А за тараном начинался палаточный город. Здесь было грязно и шумно. Кто-то мылся, поливая себя из ведра, отфыркиваясь и матерясь. Кто-то кашеварил. Кто-то спешил развесить одежду, сам оставаясь почти голым... Играли в кости. Чинили сапоги.

Выясняли отношения.

На Така налетел какой-то тип с ножом, но получил пинка и откатился безвозвратно, что меня лишь порадовало. К чему новые опасные знакомые, когда и старых хватает?

– Сержант! – окликнул Сиг.

И я увидела лошадь. Прелестную кобылу изабелловой масти, плотного сухого телосложения. Небольшая голова с квадратным лбом и слегка вогнутой переносицей, высокая шея с лебединым изгибом, прямой круп и характерно высокий хвост.

Красавица!

Большие выпуклые глаза смотрели на меня с печалью.

И ноги передние были отставлены как-то странно, а задние подведены под туловище. Голова опущена, а на боках, на шее лошади проступали темные пятна.

Перед кобылой в позе роденовского мыслителя – только если ваяли его в серой шинели, – застыл человек. Сидел он вполборота, я видела ежик светлых волос и старый шрам, просвечивавший через них. Изрезанную мелкими морщинами щеку и слезу, которая медленно сползала по этой щеке.

– Сержант, тут это... Сержант... – Сиг вдруг заговорил тихо, как говорят у постели умирающего, хотя на умирающего Сержант никак не походил. Скорее уж – скорбящий родич. – Мы... того...

От Сига отмахнулись, не удостоив и взгляда.

Вздохнули оба – и лошадь, и человек – одновременно. И сколько мўки было в этом

вздохе!

– Он сказал, что все... что нет шанса... что может только отпустить без мучений. Мою Снежинку отпустить? Без мучений? – В голосе Сержанта прозвучало столько искреннего удивления, что мне стало жаль его, хотя я все еще не понимала, в чем дело. – Я сказал, что его самого отпущу... без мучений.

Сержант протянул руку, и лошадь сделала шаг навстречу, крохотный. Она опиралась на пятку и уже потом перетекала на полное копыто. Ей явно было больно, но Снежинку тянуло к человеку.

А я вдруг поняла суть проблемы.

Мама говорила, что у меня хороший глаз...

– Давно началось? – Оттеснив Сига, я присела рядом с лошадью. Надеюсь, что не слишком подрастеряла старые, казавшиеся ненужными навыки. – Тише, красавица, я только посмотрю. Больно? Потерпи. Сейчас станет легче...

Почему меня не остановили? Не знаю. Растерялись от такой наглости? Или же прониклись пессимистическим настроением Сержанта, который, казалось, утратил всякий интерес к жизни? Главное, что не остановили. А Снежинка все поняла правильно.

Животные, они вообще гораздо умнее, чем думают люди. Может, поэтому у меня получалось находить с ними общий язык.

Копыто было горячим, а при легчайшем надавливании Снежинка вздрагивала.

– Тише, девочка, тише... – Я говорила с ней, и она отзывалась на голос тихим ржанием, до того жалобным, что даже мое сердце дрогнуло.

– Давно хромать начала? – Этот вопрос я задала Сержанту, который глядел на меня, словно только что увидел. Но ответом, к счастью, удостоил.

– Утром. Сначала легонько. А теперь вот совсем.

Утром... это сколько часов? Да в любом случае меньше двенадцати, значит, прогноз скорее благоприятный. Так, асептический пододермит, если ничего не путаю. А путать нельзя.

Симптомы совпадают. А лечение? Что я помню? Я же помню!

– Во-первых, нужны опилки, или торф, или что-нибудь другое, только мягкое. Толстый слой. Ей будет легче стоять. Во-вторых, ведра с холодной водой или льдом. Или глина подойдет... да, глина подойдет. Сделаем башмаки.

А вот на третьем пункте я запнулась. Фурацилин? Перекись водорода? Нет, Изольда, здесь даже скипидара нет, не то что антибиотиков.

Но Снежинка доверчиво положила голову мне на плечо. Поверила, что поправится? Ей ведь не хочется умирать не потому, что Снежинка боится смерти – лошади относятся к ней иначе. Ей просто страшно оставлять этого человека одного. Они давно вместе, и любовь их гораздо более искренняя, чем случается между людьми.

Откуда я знаю? Знаю, и все тут.

– Деготь... есть здесь деготь? Такой, который из березы получают? – Это было самое простое средство, которое только пришло на ум. Что еще? Ты же знаешь, Изольда, ты же проходила подобное, и не только по учебнику. – И еще надо кровь спустить. Литра два или три. И расковать бы. Потерпишь?

Снежинка соглашается. Она потерпит, не ради себя – ради человека.

– А через два-три дня надо будет компрессы из теплой глины сделать.

– Она поправится? – Сержант поднялся. – Она ведь поправится?

Он был невысок, не намного выше меня, худощав и опасен. Для врагов.

Я как-то сразу поняла это, хотя Сержант не сделал ничего, чтобы напугать меня. И сейчас надо бы солгать, это же просто и даст мне шанс выбраться из передраги, но я ответила честно:

– У нее будет шанс.

Пожалуй, это правильный ответ, и Сержант закутался в свою старую шинель.

– Спасибо.

Что ж, если повезет, то у меня появится друг.

Леди Изольды не было в ее покоях.

Леди Изольды не было в Башне.

Леди Изольды не было и в замке, пусть бы его и обыскали трижды.

Да, ее видели утром. Кажется, в галерее... и еще около Зимнего сада... и у оружейной... видели, но не придали значения. Кому она нужна, если каждый, от лорда-канцлера до последней поломойки, знал, что уже к вечеру леди Изольда покинет замок навсегда, а у леди Лоу хорошая память и скверный характер.

А все почему? Все потому, что он, Кайя Дохерти, «дал понять самым неоднозначным образом», что именно этого и желает. И попросту забыл о разговоре.

Он прекрасно помнил о дороге в замок, о собственной злости, об обиде.

О встрече на мосту.

И разговоре с Урфином.

Об Изольде он тоже помнил. Вернее, вспомнил все и сразу. И то, что пальцы у нее тонкие, а волосы лежат завитками, но на макушке поднимаются мягким хохолком. Глаза цвета стали, с темным кольцом вокруг радужки. И что ресницы длинные, а от них на щеки тень падает, которую хочется стереть, будто соринку. Но прикоснуться страшно – уж очень хрупка эта женщина, и Кайя способен причинить ей боль.

Прикоснуться не понадобилось. Причинил. Забыл и «дал понять неоднозначным...». Странное выражение, но вполне в духе лорда-канцлера, который держался обиженно, словно обманут был в лучших чувствах. А замок обыскивали в четвертый раз, методично, быстро.

Слуги открывали запертые комнаты, заглядывали под кровати, в сундуки, в старые шкафы и даже корзины с бельем. Спускались в подземелья, простукивали бочки с вином и соленьями. Добрались и до тюремных камер.

Бесполезно. Изольда исчезла.

– Возможно, это наилучший из всех вариантов, – осторожно заметил лорд-канцлер. – Моя дочь...

– Вашей дочери следовало лучше исполнять свои обязанности.

Нельзя злиться на женщину.

За поступки женщины всегда отвечает мужчина.

– Вы же не серьезно, Кайя. Если этой... девицы нет в замке, то ее, считайте, в принципе нет. – Лорд-канцлер придвинулся ближе. От него пахло миндальным маслом, и воском для волос, и мертвым волосом тоже. Мормэр Кормак любил парики, они делали его выше, а заодно и лысину прикрывали. – И надо радоваться, что все разрешилось столь... безболезненным способом.

От ярости, которую с каждой минутой было все сложнее сдерживать, свело челюсти, а лорд-канцлер расценил молчание по-своему.

– Вы чувствуете себя ответственным, но это ложная ответственность. Каждый получает то, чего заслуживает. И если ей не сиделось на месте...

У старика тонкая шея. Ее легко сломать. Пожалуй, Кайя и вовсе мог бы оторвать голову, не прибегая к силе иной, кроме собственной.

– В ваших... интересах... будет... – Говорить получалось с огромным трудом. Ярость требовала выхода, и Кайя уже сомневался, что справится с собой. – Найти Изольду. Живой. Невредимой.

Расковывал Снежинку хмурый прокопченный тип. Работал он быстро, молча и довольно профессионально, не причиняя лишней боли неумением. Но Сержант все равно морщился, кривился и уговаривал кобылу потерпеть. Не знаю, что он ей на ухо шептал, но Снежинка лишь вздыхала.

Столь же смиренно вела она себя, когда я, не без помощи кузнеца – имя его осталось неизвестно, – осматривала копыта. Выглядели не слишком хорошо, но хотя бы без явных признаков нагноения. С инфекцией я бы вряд ли справилась. А тут, глядишь, и повезет.

Влюбленным должно везти.

И Снежинка, соглашаясь, хватала меня губами за ухо, словно желала сказать что-то тайное.

С кровопусканием вышла неприятность. Все же я давно не брала в руки инструмент, тем более такой допотопный. Сержант послушно надавил на яремную вену. Та набухла, и длинная, с косым срезом игла – вот уж не знаю, где Лаашья добыла ее, – легко проколола кожу и стенку сосуда. Кровь собирали в глиняный горшок. Кто ж знал, что он окажется с изъяном и, наполнившись едва до половины, треснет. Хотя подозреваю, что виновата не плохая глина, а избыток старания, заставлявший Така сжимать руки крепче, чем требовалось.

Залило и Снежинку, и меня.

Жаль платья, нарядное было... а пятновыводителя еще не придумали.

– Руки оторву, – пообещал Сержант Таку и добавил пару слов покрепче. Так хорошенько покрепче. Потом покосился на меня и сказал: – Извините, леди.

– Изольда.

– Леди Изольда.

Иглу вытащили, а рану посыпали горячим пеплом. Откуда-то волшебным образом возникла солома, и мешок опилок, и кувшин дегтя, и даже сырая глина.

– А льда на кухне не дали, – пожаловался Сиг, хлопнув носом. – И не леди она.

– Леди, – возразила Лаашья. Она ловко обмазывала ноги Снежинки глиной. – Платье дорогой. Был. Раньше был. Туфель дорогой. С камушек.

Изгвазданные в глине пальцы вцепились в подол моего несчастного платья. И я вздохнула: потерявши голову, по волосам не плачут. Вряд ли Лаашья сделает хуже.

– Камушек! – Она скovyрнула жемчужину и протянула Сигу. – Я такой муж дарить. Муж любить камушек.

– А у тебя, оказывается, муж был? Несчастный человек!

Сиг поднес жемчужину к левому глазу, потом к правому, лизнул и после всех манипуляций возвратил мне с поклоном.

С чего вдруг такая любезность?

– Быть. Хороший муж. Теплый. Спать теплый. Один мерзнуть. А с муж не мерзнуть. Я муж камушек дарить. На бусы. У муж много быть бус.

– Лаашья с Самаллы, леди Изольда. – Сержант возник рядом со мной, и причина Сиговой внезапной честности получила объяснение. – Это другой край моря. Ее народом правят женщины. И протектор там не лорд, а леди.

Феминистки, значит. Воинствующие.

Сержант протянул мне относительно чистую тряпку и миску с водой. Да, руки у меня все еще в крови, и надо бы отмыть, пока не засохла. Засохшая кровь тяжело отходит.

– Большой мать высоко сидеть.

...далеко глядеть и всех видеть...

– Женщин сильный. Мужчин слабый. Много говорить. Глупый, как Сиг.

– Попросил бы! – возмутился Сиг, но возмущение его было ленивым, похоже, на самом деле привык он к подобным высказываниям.

– Лаашья служить Большой мать. Быть хороший дочерь. Злой. Много бить. Много резать. Большой лодка иметь. Сестра. Много сестра! Один сестра хотеть лодка Лаашья. И бить Лаашья по голова.

Вода в миске становилась розовой, а Сержант подсказал:

– И на шею попало. Вы уж извините безрукого.

– Всякое случается.

Лицо у него невыразительное. Возраст и то не определить. Старше двадцати, но... тридцать? Сорок? Единственная яркая примета – шрам на лбу.

Сержант не причинит мне вреда и, если попросить, отведет в замок. Но кому я там нужна? И появиться в нынешнем виде... на платье глина, солома и кровь. И на шее кровь, и в волосах, кажется, тоже.

Леди Неудачница.

– Могу я узнать герб вашего дома? – Сержант ждал, пока я вытру руки. А кровь забилась под ногти, теперь останется черной каймой.

– Не знаю.

– Лаашья грустить. Лаашья знать. Сестра убивать муж Лаашья. Она говорить – муж слабый. Нет детей. Другой брат. А Лаашья этот хотеть. Теперь все.

Не знаю, к чему относилось это «теперь все» – к смерти супруга Лаашьи, который представился мне тихим подкаблучником, обожавшим воинственную женушку, носившим бусы из жемчуга, возможно, что и серьги? Он убирал, мыл посуду и в свободное время вязал носки на деревянных спицах. Или встречался с другими мужчинами, чтобы обсудить женщин.

– А имя вашего отца? Или мужа?

Сказать? Не поверят. Сочтут сумасшедшей. Соврать? А смысл...

– Что ж, – Сержант оказался понимающим человеком, – будем считать, что вы сирота.

Осталось спеть о сиротской горькой доле.

– Оставайтесь столько, сколько хотите. Вы под моей защитой. Сиг, лично отвечаешь за то, чтобы леди никто не причинил вреда.

– Ты не леди, – шепнул тот, когда Сержант отошел. – Знаешь почему?

Потому что я выгляжу не как леди. И разговариваю иначе. И даже не знаю герба своего мужа.

– Они все – твари. – У Сига нашелся собственный ответ. – Им плевать и на людей, и на лошадей, и вообще на всех. А ты Снежинку лечишь. Сержант ее очень любит.

– Сильно. Лаашья так муж любить. Но Лаашья уметь жить один. Сержант не уметь.

Мужчина. Глупый. Сердце слабый.

Снежинка легла, положив голову на колени Сержанту, и тот, разбирая гриву на пряди, напевал ей что-то ласковое. Они нужны друг другу и, значит, будут вместе.

А я? Я и в этом мире, получается, лишняя?

Глава 12

Добрые намерения

Поиск истины часто заканчивается поиском убежища!

Высказывание неизвестного правдолюбца после неосторожных разоблачений

Когда с тоскливым грохотом рухнула дверь, а на пороге появился Кайя с вопросом: «Где моя жена?» – Урфин первым делом подумал, что кошмары его становятся все более изобретательными. Следом пришло понимание, что жизнь он прожил в общем-то неплохую, насыщенную событиями, но по крайне неудачливому стечению обстоятельств – других объяснений визиту Кайя не имелось – короткую. Оставшиеся мгновения Урфин потратил на то, чтобы повернуть гудящую голову налево.

Кровать была пуста.

И справа тоже пуста.

Свесившись с кровати – это едва не стоило содержимого желудка, – Урфин убедился, что, кроме пыли, под ней ничего нет.

Да и вообще, судя по провалам в памяти, вчера он был способен лишь на то, чтобы прийти и красиво рухнуть на перину... и вроде бы шел не один... Кайя его провожал.

А он провожал Кайя.

И где-то у картинной галереи они устали провожаться и присели. Нашелся еще кувшинчик вина... и солнце всходило. Новый день – достойный повод. А потом кто-то добрый помог подняться и добрести до кровати. Кто?

Мужчина. Точно мужчина. У женщины не хватило бы сил.

– Что... п-происходит? – Урфин поднялся на четвереньки. Хвала Ушедшему, он был одет, пусть даже одежда изрядно помялась. И пятен сколько... вино белое... вино красное, терпкое, тифисское крепленое. Розовое тоже имеется. А вот это явно от масла. Но масло вчера вроде бы не пили.

Кайя сдернул с постели за шиворот, как щенка, и легонько – ему так представлялось, что легонько, – встряхнул:

– Очнись. Мне помощь нужна. Изольда пропала. Кормак сказал, что ты знаешь, где она.

– Откуда?

Старая скотина не упустила случая нагадить. Изольда пропала... Зачем?

– Отпусти, – попросил Урфин. – И пусть принесут воды. Со льдом. И ведро. И лучше выйди, ладно?

Хуже рвотных капель могла быть лишь двойная доза рвотных капель, разведенная в двух литрах воды. Урфин пил, пытаясь отрешиться от едкого тухловатого вкуса напитка. Хрустели на губах льдинки. И холод мешал средству сразу войти в кровь. Это дало несколько секунд, хватило, чтобы упасть в кресло, зажать меж колен ведро и сторбиться над ним.

В это мгновение Урфин ненавидел себя.

И Кайя, который требовал выпить «за недолгую разлуку».

И Изольду. Не могла исчезнуть попозже?

Кормака... и весь растреклятый мир, не желающий отпустить Урфина.

Рвало его долго, обстоятельно, и Урфин вяло подумал, что, возможно, это и не самый изящный способ самоубийства, зато определенно – весьма мучительный. Дурнота прошла, оставив дрожь в руках и коленях, взопревшую спину, но способную мыслить голову.

Изольда исчезла?

Куда, Ушедий, она могла исчезнуть?

Тень от замка накрыла двор. Огромная, она еле вмещалась между высокими стенами и чернила камни. Лишь зубцы сохраняли яркий влажный блеск. По стене вышагивали часовые, чьи фигуры были далеки и трудно различимы.

Известен всем мой господин, и смело я пою

О том, что он непобедим в застолье и в бою...^[2]

У Сига оказался приятный голос, куда приятнее, чем у дворцового менестреля. Да и репертуар отличался изрядно.

Ярко горел костер. Промасленное крыло навеса скрывало от меня небо и поблекшее солнце. Повозки, поставленные углом друг к другу, служили вполне приличной защитой от ветра. Редкие капли дождя залетали в огонь и шипели, сгорая.

Я сидела, прислонившись к горячему боку Снежинки. Нам двоим досталась кипа свежей соломы и потертое седло альтернативой табурету. Снежинка не протестовала. Она дотянулась губами до моей руки, и я вспомнила, что, наверное, рука пахнет яблоком. Но яблоко давно съедено.

– Извини. Я же не знала, что встречу тебя.

Она поняла и тихонько засмеялась в ответ.

Над костром висел котел в черной броне копоты. В костре кипело варево, и Так, похожий на огромного тролля, колдовал над ним.

Я не гордая, и место у огня – самое мое. Тем более что запах от котла шел изумительный. Правильно говорят, что голод – лучшая приправа. А я сегодняшней день приправила больше некуда. Все-таки диета – это не мое. Организм, чувствуя неминуемое приближение стройности, взывал о спасении.

Струна порвалась, лишив историю финала, полагаю, весьма героического, в духе песни.

– Чтоб тебе, – глубокомысленно произнес Сиг, засовывая раненый палец в рот.

– Не выражайся.

Сержант сидел на корточках у костра. Причем сидел давно. Уже час, наверное. Или два. Не меняя позы, не подавая признаков жизни. Железный человек.

Интересно, его не Феликсом звать?

– Да ну вас... Это не я выражаюсь. Это душа выражается. Мы вот тут... сидим... – Не выражаться Сигу было затруднительно. И в речи его время от времени возникали характерные паузы. – Сначала там сидели. Теперь вот тут...

– Там – это где? – уточнила я.

– Дингвалл. Чаячье крыло.

Ни о чем не говорит. Вообще не мешало бы к географии мира интерес проявить. И к биологии. И вообще ко всему, что может пригодиться в новой моей жизни, если уж возвращение к старой не грозит.

– Раубиттеры, – добавил Сержант, что тоже не внесло ясности. – Раубиттеры – безземельные рыцари. Гербовая шваль, простите, леди.

Я простила.

– Кто посильней, тот турнирами пробивается. Или в наемники идет. А кто послабей, тот стаю ищет. Дингвалл – старый род, но обнищавший. Вот и решили поправить семейное состояние. Пока соседний Арлан грабили, пользу приносили, лорд их терпел.

А потом терпение, стало быть, иссякло. Бывает.

– Они мортиры делать стали, чтоб их... – Сиг вовремя прикусил язык. Явно мое присутствие негативным образом сказывалось на образности его речи.

– И что?

Вот этот мой вопрос явно был лишним, поскольку даже Сержант отвлекся от созерцания огня, а в глазах его мертвых я увидела нечто, что можно было трактовать как удивление.

– Порох запрещен.

Да? А я только-только внесла его в план преобразования мира. Правда, план этот можно было отправить в костер, пусть бы и мысленный, но все равно обидно.

– Если какой человек, будь он простого или благородного сословия, мужского или женского рода, выявлен в том, что изготавливает, хранит или же перевозит пороховое зелье, мортиры или любые иные орудия подобного толка, а также снаряды к оным, он подлежит расследованию и казни.

Вдохновляющая цитата.

Но почему? Порох – это же прогресс... проще же из пушки по воротам выстрелить, чем тараном в них долбиться. Конечно, у их светлости времени много, но все равно странно.

– А если... – Я соломинкой пыталась выковырять засохшую кровь из-под ногтей. – ... Если кто-то очень сильный станет делать порох? Много пороха? И он не захочет, чтобы его казнили.

Сержант все-таки сменил позу, сел, вытянув ноги и руки к огню. Узкие запястья сливались по цвету с серой шинелью. Ответил он не сразу, но все же ответил:

– Протекторов девятнадцать. А было двадцать. Фризы решили, что сильнее прочих. И лорд-протектор дозволил делать порох. Много пороха. И много мортир. Он, сколько сумел, хранил тайну, но тайна вскоре стала слишком большой. Фризия была сильна. И богата, что людьми, что землями. Никто не желал такой войны. От лорда потребовали сжечь весь порох и казнить людей, которые умеют его варить. Он отказался. Он думал, что устоит против всех. Может, и обошлось бы... говорят, многие не желали воевать, но лорд допустил одну ошибку.

– Какую?

– Свобода дать раб, – сказала Лаашья, которая занималась тем, что выгребала из костра золу и втирала ее в руки. – Всех раб.

– Именно. Он объявил, что отныне все люди Фризии являются свободными. Абсолютно свободными.

– Разве это плохо? – Я, наверное, клиническая дура, но не понимаю. Я же в школе проходила, что рабство – это зло и что Север воевал с Югом за права человека и победил, потому что люди рождаются равными, свободными вне зависимости от цвета кожи или вероисповедания. Ну или как-то так.

А тут выходит, что все сильно иначе.

– Многие рабы бежали к фризам. Их ловили. Вешали. А они все равно бежали. Начались

восстания. Земля горела. И лорды объединились. Даже Самаллская Большая мать прислала людей. Была война, которой прежде не случалось. И Фризии больше нет. Ее поделили. Кто-то взял долю золотом. Кто-то – землями. Пороховые склады были сожжены. Мортиры перекованы на цепи. А свободных, кого сумели, сделали рабами.

– А... а рабов?

Не спрашивай, Изольда, если не хочешь услышать ответ.

– Их распяли.

– Всех?

Могла бы не уточнять. Хорошо, что Сержант не ответил, он словно не услышал вопроса.

– Мне повезло. Я был слишком молод и потерял лишь семью, имя и деньги. А голова вот осталась. Голова куда важнее имени.

Смеется? Улыбка мертвая.

– Странно, леди, что вы не слышали о мятежной Фризии. Все ведь не так давно произошло. Каких-то двадцать лет...

Двадцать лет назад я ходить училась. В другом мире, где людей давно не распинают, разбойников судят и «садят», а огнестрельное оружие есть если не у каждого, то у многих.

– Никто не смеет делать порох. И не дать свобода раб. Только один раб дать свобода. Лорд Кайя смелый. Лаашья слышать. Говорить, он хотеть, как фриз.

– Лаашье не надо слушать такие разговоры, – очень-очень ласково попросил Сержант, настолько ласково, что у меня руки задрожали. – И повторять их. Вдруг кто-то подумает, что за словами стоят опасные мысли. Но слова – это лишь только слова. Правда, леди?

Я кивнула.

Если так пойдет и дальше, то мой прогресс на трусах и остановится.

Урфин никогда раньше не пробовал искать человека. Точнее пробовал, но обычными методами, главным из которых являлся допрос свидетелей и родственников. Здесь же свидетели, даже случайные, уже были допрошены, а родственников вовсе не имелось в наличии.

Но странная получалась картина.

Изольды не было в замке.

Изольда не выходила из замка, во всяком случае, через главные ворота.

Изрядно побелевшая Гленна, которая лепетала, что не желала вреда, но просто не подумала, что выйдет так плохо, все же нашла в себе силы пересмотреть немногочисленные наряды Изольды. Из всех платьев пропало одно, как выразилась Гленна, – простенькое. А вот драгоценности остались на месте, исключая кольцо с сапфиром.

И, подняв золотой браслет, Кайя сказал:

– Почему она не пришла ко мне?

На этот вопрос Урфин ответа не имел. Предполагал, потому что дура, но вслух предположение высказывать не стал. Уж больно мрачный настрой был у Кайя.

– А если с ней что-нибудь случится? Что мне делать тогда?

– Тогда, – Урфин потер виски, пытаясь выловить в звенящей пустоте хоть одну дельную мысль, – тогда тебя загрызет совесть и ты повесишься на цепи мормэра. Она толстая. Выдержит.

В город были направлены люди, которым вменялось искать «маленькую леди с темными волосами, обряженную в красное платье». Урфин не сомневался, что в самое ближайшее

время Кайя получит с полсотни маленьких темноволосых девиц в платьях всех оттенков красного. Как не сомневался, что Изольды среди них не будет.

В общем-то бессмысленность этих поисков и привела его к единственно возможному выводу: надо пробовать магию. Нет, теорию Урфин знал, но предыдущие опыты указывали на то, что весьма часто теория расходится с практикой, а последствия этого расхождения мало того что труднопредсказуемы, так еще сложновыводимы.

– Нужна ее вещь. – Урфин вытащил из тайника свиток, к которому клятвенно обещал себе не прикасаться: раз уж не выходит нормально, то чего мучиться.

Кайя протянул браслет.

– Нет. Металл не пойдет. Что-то, что было живым и могло запомнить...

Кот на всякий случай отошел, он был живым, прекрасно помнил Изольду, но не собирался помогать людям. Во-первых, своя шкура дороже. Во-вторых, своя шкура определено дороже.

– Туфли подойдут? – Кайя говорил мало и с каждой минутой мрачнел все больше.

– Туфли? Наверное.

Урфин и сам не знал, подойдут ли.

Первая туфелька сгорела в синем огне, подарив сноп ярких искр, которые долго держались в воздухе. Искры пахли конским навозом.

– И что это значит? – поинтересовался Кайя голосом, не предвещавшим ничего хорошего. Браслет он крутил в пальцах, поворачивая то одной, то другой стороной.

– Ничего. Наверное.

Вторая туфля плавилась медленно, но получалась не белая пророческая жижа, как должно быть, а черное маслянистое пятно, которое с радостным шипением разъедало чашу.

И четкой картинкой не появилось. Скорее уж запахи, звуки... будто играет кто-то, поет, и недурно. Ощущение тепла. Покоя. Неудобство, но не сильное. Грохот колес по камню. Голоса.

Песня знакомая. Урфин определенно слышал ее прежде. И все остальное... костры, люди, лошади, повозки. Дымы, запахи, множество запахов. Все вместе и...

Чаша треснула, разрушая робкую связь.

Но увидел Урфин достаточно.

– В замке она. – Он подошел к окну и распахнул, позволяя ветру очистить комнату и от смрада, и от искр. – Где-то там... видишь?

Кайя видел. Зажатое меж высоких стен, кипело человеческое море. Сотни костров, словно глаз, глядели на поседевшее небо. И сыпал редкий дождь, а облака грозили вовсе убрать солнце.

– Идем. – Урфин ткнул ложечкой в черную жижу, и та отпрянула, оставив на каменной поверхности стола проплавленный след. – Скоро стемнеет.

– С ней все хорошо?

Кайя умел задавать неудобные вопросы. А Урфин не умел врать ему.

– Не знаю. Странно все. Она спокойна, но кому-то плохо. И кровью пахнет.

Вот не следовало этого говорить. Не следовало.

– Найду, – пообещал Урфин жиге, – и выпорю. Зачем так людей нервировать?

Глава 13

Любовь к театру

Вам говорят, что вы умны и красивы? Не спорьте – людей не переубедишь.

Совет, возможно, что добрый и точно – совершенно бесплатный

Смеркалось. Точнее, серелось. Дождь то прекращался, то начинался вновь, но в остальном мир пребывал в гармонии с собой. Горел костер, доедая остатки дров. Пустой уже котелок стоял, наполняясь водой. Обжигающая крупяная каша была вкусна, и я собирала с деревянной миски последние крупинки. Голод отступил, на смену ему пришло состояние осоловелое, полусонное. В таком неплохо мечтается. Лаашья, почти не различимая в сумерках, тихо мурлыкала под нос песенку, а Сиг возился с порванной струной. Я думала об исчезнувшей стране.

И о том, что в моем мире нет рабства, зато есть порох и демократия. Стал мир лучше? Не знаю.

– Спой, Сиг, – попросил Сержант, стряхивая каплю с рукава.

– А что я? Я уже напелся. Вон пусть она и поет. На вот. – Сиг протянул инструмент, этакую тыквину с тугими струнами и длинным, что журавлиная шея, грифом. – Ледей с детства петь учат.

Похоже, и здесь я буду исключением. Меня даже почти обязательная музыкальная школа благополучно миновала за полным отсутствием слуха. Но петь я пыталась, получая от процесса искреннее удовлетворение, пока Машка не сказала, что мое пение наносит ей глубокие душевные травмы...

Мне не хотелось травмировать новых знакомых.

– Я не умею, – призналась я, возвращая инструмент.

– Откуда ты такая выискалась? – Сиг обнял его и подпер грифом подбородок. – Одеты не как леди, а платье дорогое...

Было дорогое, а теперь вряд ли на тряпку сгодится. Жаль. Мне платье нравилось. Может, больше у меня никогда не будет таких платьев.

– ...петь не умеешь... про Фризию слыхом не слыхивала... сильно издалека, да?

– Сильно.

Его не думали одергивать, да и чувствовала я чужое любопытство.

– ...а лошадей вот лечишь...

– Чего тебе надо?

– Скучно, – честно признался Сиг. – Хуже скуки зверя нету. Вот, думаю, порасспрошу, послушаю байки... все веселее.

И ведь не отцепится. Ладно, про то, что я не из этого мира, сказать можно. Я уже успела убедиться, что здесь к существованию параллельных миров относятся весьма спокойно. Но Сиг ведь не утомится. Он полезет выяснять, как устроен мир... И что там Сержант говорил про опасные слова?

Или станет спрашивать, чего мне в замке понадобилось. И доберется до договора и моей

короткой, аки кротовый хвост, семейной жизни, которая ушла под этот самый хвост. Мне не хочется об этом говорить.

А о чем хочется?

Если нельзя говорить правду, надо соврать.

Если лень придумывать ложь, надо использовать чужую.

– Скучно, значит... – Я погладила Снежинку по носу. – Байку... расскажу.

Когда-то, классе этак в десятом, я записалась в театральную студию. Ну, студией она лишь звалась – кружок при чудом уцелевшем ДК. Руководил им немолодой, но весьма энергичный Владлен Яковлевич, и как-то его энергии хватило, чтобы, придя однажды, я осталась. На месяц. Год. И больше.

Мы ставили «Отелло».

И Колька, которому отдана была роль несчастного доверчивого мавра, неувовимо походил на Сига. Не потому ли я вспомнила сейчас? Колька чернил гуталином лицо, а губы мазал красной помадой, но никто не смеялся над ним.

Я была Дездемоной, но ровно до тех пор, пока не появилась Машка. И роль передали ей, а других, подходящих для меня, не нашлось. Вот и осталось играть саму себя – верную тень на подмостках жизни. Разве я не понимала того, что происходило?

Понимала.

А почему терпела?

Была причина и, наверное, осталась, если я опять играю в прятки с собой.

Слабо зазвенела струна, подхватывая оборванную фразу.

– Продолжайте, леди, – подбодрил Так, присаживаясь у костра.

Продолжу. Точнее, начну сначала. Текст я помню где-то на две трети. Оставшуюся треть как-нибудь вытяну...

– Итак, – я обвела взглядом моих слушателей, – жил-был мавр по имени Отелло...

Сиг получит свою историю. А я... если выгонят из леди, в актрисы пойду.

Цепь огней веером расходилась от ворот. Узкая полоса света ползла по камням, то и дело выхватывая самые разные предметы. Тележное колесо. Разворошенную гору соломы, в которой копошился пьяный. Палатку. И людей, собравшихся у костра. Кости громко стучали по доске. Кто-то кричал, обвиняя, кто-то оправдывался. Кайя слышал совокупное настроение толпы.

Раздражение.

Усталость.

Обида.

И с трудом сдерживаемый гнев. Чей-то крик бьет по ушам. И Кайя с трудом вынырнул из этого плотного человеческого моря. Нельзя. Он не в том состоянии, чтобы держать равновесие. Будет всплеск – в последнее время Кайя все чаще подходит к грани – и накроет всех. Злость перейдет в ярость, а обида забудет пределы. И вместо слов люди схватятся за ножи. Кровь польется... Это дом. Кто льет кровь в собственном доме?

– Спокойно. – Урфин рядом.

Хорошо. Урфин нужен. Он подсказал, где искать, и если прав, то Изольда здесь. Двор обыскать проще, чем замок, пусть даже люди прячутся от случайного света. Каждый вспоминает свои преступления, и общий страх опять пробует Кайя на прочность.

Со страхом бороться проще, чем с гневом. Страх Кайя просто поглощает.

Стенобитные орудия что деревянные слоны. Урфин рассказывал про слонов. И про драконов тоже. Про моря из кипящего газа, хотя Кайя не представляет, как газ может закипеть. Но Урфину верит.

И если думать о тех историях, получается ненадолго отвлечься.

Требушеты. Онагры. И выводок баллист в тени огромной осадной башни, на боку которой видны свежие подпалины. Еще три сгорели... лорд-канцлер опять станет пенять на расходы, намекая, что Кайя и без осадной башни справился бы. И будет прав – справился бы, но так неправильно.

Воюют люди. Кайя помогает.

– Погоди, – Урфин остановился, вслушиваясь в сумерки, – погоди... может, не настолько плохой из меня маг...

Он поворачивался, как лоза в руке лозоходца, чтобы указать на строй сомкнутых спин.

Толпа. В толпе как явления нет ничего удивительного, но эта толпа была молчалива и сосредоточенна. А еще от нее не било гневом, готовностью к войне, которая есть в любом скоплении людей.

Скорее уж они... переживали?

Боялись?

За кого?

О, как меня слушали! Сначала с удивлением и даже скепсисом, верно сомневаясь в моем таланте рассказчика. Да и сама я не была уверена. Но все-таки Шекспир – это сила...

А я еще Макбета помню.

И Тита Андроника, только он кровавый очень. Ромео с Джульеттой грустные, их в следующий раз прочту.

Мысли скользили, как ласточки по ветру. Я была на сцене, той самой, выйти на которую мне не удалось. И что за беда, если сцена эта – под открытым небом, что нет здесь ни декораций, ни занавеса, ни даже дымных шашек. Плевать! Я была коварным Яго, который, обижен генералом, готовил мечь. И бедным Брабанцио, что не желал расставаться с дочерью. Вздумалось ей, глупышке, в какого-то мавра влюбляться.

Не иначе – околдовал.

И мавром я была. Могучим воином, несчастным мужем. Влюбленным, ревнивым и доверчивым, только доверявшим не тем.

Кассио, который, словно пешка, ходил по чужой указке. Беспомощным Родриго, чья любовь оказалась с гнильцой. И уж конечно я была Дездемоной.

Бедной чистой Дездемоной.

Ива, о ива...

Я играла, как играла бы тогда, но одна за всех. И это было замечательно!

[Купить полную версию книги](#)

В качестве эпиграфов в книге использованы цитаты из произведений, которые читатель, несомненно, узнает. – *Примеч. авт.*

Песня ландскнехтов «Известен всем мой господин». Перевод С. Уткина.